

Речка
и ЫХ
приключений

ЕЛ. РЖЕВСКИЙ

Освобождение задания

Ел. РЖЕВСКАЯ

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

ПОВЕСТЬ О РАЗВЕДЧИКАХ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1951

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Военное Издательство просит присылать свои отзывы и замечания на эту книгу по адресу: Москва, 53, Орликов пер., 3, Управление Военного Издательства.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Часть первая. <i>Разведчики</i>	3
Часть вторая. <i>За Ржев!</i>	62

Scan AAW

Редактор *Колесень А. М.*
Художник *Балашов Г. А.*
Технический редактор *Соколова Г. Ф.*
Корректор *Иванова А. П.*

Г52259. Подписано к печати 31.8.51. Изд. № 1/5606.
Формат бумаги 70×21 $\frac{1}{2}$ —2 б. л.= 4,68 п. л. 4,637 уч.-изд. л. Зак. 425.

1-я типография имени С. К. Тимошенко
Управления Военного Издательства Военного Министерства
Союза ССР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАЗВЕДЧИКИ

Армия оттеснила немцев к восточной окраине Ржева и закреплялась на отвоеванном плацдарме, выжидая, чтобы подтянулись соседи.

Дождь, заладивший в дни боёв, прекратился, выглянуло солнце; от набухшей земли повалил густой пар, запели птицы, листья заблестели под солнцем последними каплями подсыхающей влаги.

Начальник разведки соединения подполковник Ярунин вернулся с передовой в расположение штаба, в лес, где наскоро были разбиты палатки. Ожидавший его радист доложил, что прошедшей ночью разведчик «Брат» снова молчал.

Подполковник отпустил радиста. Оставшись один, задумавшись, он медленно ходил по палатке, увязая сапогами в мокрых ветках хвои, разбросанных по земле, забыв о намерении скинуть отсыревшие сапоги и гимнастёрку и выспаться.

Две недели назад разведчик «Брат» передал по радиции из оккупированного Ржева текст сек-

ретного приказа немецкого командования. «Подготовиться к тотальному минированию Ржева». И с тех пор уже вторично он не отзывался в условленное время.

Тревожные мысли о судьбе «Брата» заглушались мыслями об угрозе, нависшей над Ржевом: фашисты готовятся при отступлении разрушить город.

Обдумывая план действий, Ярунин отчётливо понимал: чтобы сорвать замысел фашистов, необходима связь с городом. Ждать донесения от «Брата» и бездействовать дольше нельзя.

Он включил машинально приёмник, и сквозь треск в эфире ворвалось истошно:

«Немецкие солдаты под Ржевом! Солдаты под Ржевом! Сегодня наши войска прорвали оборону на юге России...»

А на втором плане тупо звучал двухтактный фашистский марш.

Ярунин резко щёлкнул выключателем. Он распорядился вызвать к нему разведчика Хасымкули, зажёл керосиновую лампу и сел к столу.

Ещё только август, а ночь выдалась на редкость холодная, тёмная, ветреная. Непокойно тербит ветер ветки, гулко, тревожно в лесу. Стихнет на минуту, и в палатку доносится топот шагов.

«Стой! Кто идет?» — кричит часовой. И в ответ: «Разводящий», — смена часовых.

Медленно, назойливо гудит далеко в небе немецкий самолёт. Кто-то кричит, надрываясь: «Палатка Белоухова! Окошко неплотно прикрыто!» И раздражённо: «Эй, кто там, оглохли, что ли? Демаскирует!»

В палатке на широком топчане спят разведчики. На земле, подоткнув под себя полы солдатской шинели, сложив ноги одна на другую, сидит вернувшийся от подполковника Хасымкули. Подбрасывает дрова в железную печь, открыв дверку, смотрит на огонь. У него тяжёлый взгляд тёмных восточных глаз, чёткий яркий рот и нежная краска на скуластых щёках; молчалив и медлителен; не замечает, как ветер задувает в трубу, и дым ест глаза.

Сейчас он подыметсЯ и уйдёт на передовую. И прежде чем начнёт светать, он поползёт на запад сквозь немецкие позиции в оккупированный врагом Ржев. Там, в городе он легко навлечёт на себя подозрение фашистов, и они бросят его за колючую проволоку в лагерь, куда они уже согнали всех, кто кажется им опасным.

Бежавший на-днях из заключения через линию фронта ржевский житель рассказал, что в лагере действует подпольная группа и руководит ею человек с условным именем «Дядя Федя». Хасымкули отыщет его по заученным приметам и, уловив подходящий момент, тихо скажет ему: «Дядя Федя, армейская разведка вступает с тобой в связь», и передаст ему первое задание. Фашисты под оружием гоняют заключённых на работы. Подпольной группе поручается учесть, какие работы по подготовке к минированию проводит враг.

Ветер треплет палатку. Хасымкули покачивается, огонь ходит по его лицу.

* * *

Свет пробивался в палатку сквозь щели в плохо пригнанной трубе. Дрова в железной печке

давно прогорели, и, остывая, железо издавало протяжный стон.

Младший лейтенант Белоухов сидел в ватной телогрейке, подперев большими кулаками лицо. Пилотки на нём не было, и короткие волосы торчали на голозе жёстким ёжиком.

Тоненький писк вырывался из аппарата; вдалеке на передовой резко застучал пулемёт, за палаткой прошли сменившиеся с поста часовые, гулко раздавался их шаг по промёрзшей за ночь земле. В часы ночного дежурства у радики отчётливо слышны все эти звуки.

Младший лейтенант снова надел наушники, к ушам подкатило знакомое дыхание эфира. Истекало условленное время для связи, а Ржев не отзывался на позывные — «Брат» молчал.

Дремота сморила младшего лейтенанта, он забылся на минуту. Ему померещилось: огромного роста человек с автоматом на груди вырвался в бою вперёд, стремительный, мощный, и чей-то возглас рядом: «Это — «Брат!». Белоухов силился разглядеть лицо этого человека...

Он потряхнул головой, поёжился от подобравшегося к телу озноба — зори стоят холодные. Ночь кончилась, ждать дольше было бесполезно. Прошла ещё одна неделя, а связи с «Братом» не было попрежнему. Младший лейтенант снял наушники и, поднявшись с наглухо вколоченной в землю скамейки, подошёл к завешенному одеялом окошку, отдёргнул одеяло, и свет хлынул в палатку, разгоняя сон. Белоухов задул керосиновую лампу с сильно нагоревшим фитилём, скинул телогрейку, взял полотенце и вышел.

Роща пробудилась. Она жила в этот предутренний час в щебете птиц, в свежем дыхании

зелени, омывшейся росой, в трепете тянувшихся от земли лесных колокольчиков.

Палатка младшего лейтенанта стояла в стороне от всех в молоденькой роще, а тотчас за рощей находился хутор Прасолово. Кроме двухэтажного здания школы, на хуторе уцелело несколько домов, туда переселились из леса разведчики подполковника Ярунина. Соединение стало в оборону, и штаб его, и подразделения устраивались прочнее на временном пристанище.

На хуторе, должно быть, еще спали. Младший лейтенант вышел на опушку рощи. Он быстро спускался под гору, размахивая полотенцем. Высокая трава цеплялась за сапоги. Вот и ручей,— быстро бежит вода по камешкам, мельчает ручей, сушит его солнце.

Раскатился и замер над лугом грохот орудий — обычная утренняя перестрелка с противником.

Белоухов разделся до пояса. Стоя на камнях, он пригибается к ручью, льёт горстями воду себе на плечи, на грудь, на спину, докрасна трёт тело полотенцем и, одевшись, взбирается обратно на пригорок. Он испытывает прилив бодрости, он счастлив в эти минуты ощущением своей силы — он готов встретиться лицом к лицу с любой опасностью, пусть только подполковник Ярунин доверит ему выполнение специального задания.

Возвращаясь к себе, Белоухов встречается с Тоней. Поравнявшись, Тоня первая громко здоровается и проходит мимо,— она торопится на работу в село.

Белоухов украдкой провожает её глазами: серенькое с голубым платье, жакет на руке, кру-

той валик тёмных волос. На минуту Тоня исчезает из виду, спускаясь под горку, прыгая с камня на камень через ручей, и вот она уже снова видна — она идёт по лугу, а за ней вслед всё дальше и дальше бежит, выстеливается в высокой траве стёжка.

Тоня эвакуировалась из Ржева. Она живёт на хуторе в пристройке, примыкающей к большому зданию школы. Муж её, учитель городской десятилетки, был в партизанском отряде, пока не лишился в бою руки. Теперь он назначен заведующим Ржевским отделом народного образования и руководит восстановлением школ на освобождённой территории. Изредка он навещает семью. Он сидит на крыльце с сыновьями, а Тоня радостно хлопочет вокруг них.

Вечером, вместо того чтобы выпасться перед ночным дежурством, Белоухов снова уходит на хутор. Он дожждётся, когда из школьной пристройки выйдет Тоня в накинута на плечи белом платке. Выбегут за ней следом оба сына. Стоит она по-мальчишески стройная, не шевельнёт прямыми плечами, не поправит платка, как будто она сама по себе, а платок на плечах сам по себе. Такой строгой кажется она Белоухову, что всякий раз он робеет. Но Тоня не замечает этого. Они земляки, оба из Ржева, и она любит вспоминать с Белоуховым о своём городе.

Помнит ли он Калининскую улицу в Ржеве, с высаженными вдоль неё молодыми липами? — спрашивает Тоня. Весной, когда улица просыхала от стаявшего снега, девчонки из её дома исчерчивали мелом тротуар, играли в «классы».

А знает ли он тот крутой спуск к Волге, итти по нему невозможно, — бежишь, мчишься, да так,

что в уши влетает ветер? А Цвосточную улицу, тихую, со старой церковью за чугунной оградой? Напротив церкви — педагогический техникум, здесь познакомилась Тоня со своим мужем, она поступила на первый курс, а он уже заканчивал учёбу. А дальше, за углом, где Дом пионеров, стояла школа-новостройка — красное здание, вот там они работали, пока не началась война. Муж преподавал историю в седьмых классах, а Тоня была учительницей в первой ступени. Говорят, что школа уцелела...

«Уцелеет ли?» — тревожно думает Белоухов, ведь Тоня ничего не знает о том, что враг готовится уничтожить город. Он продолжает разговаривать с ней, ничем не выдав свои мысли, — никто, кроме разведчиков, не должен знать об этом.

Конечно, он помнит почти все те места, которые называет Тоня. До двенадцати лет он прожил в Ржеве, а потом переселился с матерью под Куйбышев, в маленький городок Ставрополь; сравнить его с Ржевом невозможно, мал он и неказист, только Волга там много шире, чем у нас здесь, в Ржеве. — Белоухов говорил медленно, подыскивая слова, поражённый открывшимся ему: там, на Калининской улице, где Тоня с подругами играла в «классы», он с мальчишками преследовал «неприятеля», выстаивал в «разведке» в подворотнях, прыгал через забор, убегая от погони. И вдруг он смутно припомнил худенькую, со светлыми косицами, бойкую девчонку-заводилу из своего детства, и этот неясный, но чем-то памятный ему образ слился в его представлении с Тоней, быть может, это была она...

Он сказал ей об этом. В ответ она рассмеялась, да как-то особенно громко: «Когда я играла в «классы» и бегала на реку, ты еще под стол пешком ходил», — откровенно кололи его смеющиеся глаза Тони. Тоня с любопытством разглядывала Белоухова. Она видела перед собой очень юное скуластое лицо, с белесыми короткими ресницами, с толстыми губами. От его фигуры веяло силой, неуклюжей и очень молодой.

А Белоухов думал: вот он стоит перед Тоней, здоровенный парень, с такими огромными кулачищами, что захоти она сейчас, и он начнёт вколачивать кулаками гвозди в доски, и однако он сидит в штабе вдалеке от боя, от опасности, в которой живут его товарищи и через которую прошёл её муж, лишившийся руки. Ему слышался её молчаливый упрёк, и он страдал от этого.

Так бывает в юности, когда силы еще не меряны: человеку и верится в свои возможности горячо, и сомневается он в иную минуту безутешно. Поэтому особенно не терпится молодости испытать свои силы.

Как многие мальчики его детства, Белоухов рос с мечтой о подвиге. Он мастерил детекторные приёмники, вынашивая надежду услышать папанинцев с дрейфующей льдины; когда пришёл срок избирать профессию, решил: будет радистом-полярником — и уехал в Куйбышев учиться. Окончил курсы, но вместо северной зимовки отбыл добровольцем на Западный фронт.

Почти за год службы в армии Белоухов пристрастился к своей работе. Ждать долгими ночными часами у радики и вдруг услышать голос из

далёкого тыла врага и принять донесение — стало его жизнью. Но с недавних пор, — это совпало с тем тревожным расположением, которое он испытывал к Тоне, — душевное равновесие Белоухова нарушилось. Теперь работа не приносила ему прежнего удовлетворения, он мечтал о подвиге в бою с врагом. А поделиться этим Белоухову было сейчас не с кем: капитан Дубяга, с которым он сдружился, вот уж с месяц лежит в дальнем госпитале, Белоухов с нетерпением ждёт его возвращения.

Как решиться просить подполковника перевести его на другую работу? Подполковник вскинет на него пытливые глаза, посмотрит внимательно и, пожалуй, спросит: «А что ты, братец, можешь?»

Что он, младший лейтенант Белоухов, ответит ему? Что люди уходят в бой, отдают свою жизнь, отбивают у врага его родной город, а он перезжает с аппаратами с места на место. Так может и война скоро кончиться, а он до сих пор не знает, способен ли на отважное, рискованное дело.

* * *

Капитан Дубяга вошёл в дом в сумерках, окликнул дремавшего на лавке у телефонов ординарца Подречного:

— Жив, Михайлыч?

Подречный вздрогнул, вскочил на ноги:

— Вылечились, товарищ капитан?

— А то как же. На вот, — он снял с головы пилотку и кинул Подречному, — завтра фуражку мою отыщешь. Эту выбрось. В госпитале такой

фиговый листок выдали, макушку не прикроешь. А подполковник где?

— На передовую уехал.— Подречный суетился, собирая поесть. Он то и дело поглядывал на Дубягу, не скрывая радости, что видит его.

— Месяц никак в госпитале пробыли. Слава богу, нога цела!

Но Дубяга отказался от еды; отстегнув ремень, снял шинель, распахнул ворот гимнастёрки и сел на койку подполковника, на его домашнее в синих разводах байковое одеяло, стянул сапоги и далеко отшвырнул их.

— Ты дежуришь? — спросил он Подречного, — если буду храпеть, бей меня телефонной трубкой.

Он лёг на койку, скрестил вытянутые ноги, закрыл глаза и захрапел.

Подречный снова сел на лавку возле стола с телефонами, преодолевая дремоту, раскачивался и тихонько мурлыкал что-то под нос себе.

Под утро Дубягу разбудил боец, сменивший у телефонов Подречного, и сообщил ему, что прискакал верховой от коменданта. Дубяга распорядился, чтобы тот вошёл. Сидя на койке, свесив необутые ноги, Дубяга выслушал посыльного: комендант просит капитана выехать на новый КП для размещения разведчиков. Решив ехать тотчас, Дубяга крикнул в открытую дверь часовому:

— Коня мне!..

И слышно было, как на улице часовой подхватил еще не оконченную фразу:

— Капитану Дубяге коня серого, жи-во!

Дубяга обулся, снял с гвоздя шинель, подобрал брошенную вечером Подречному пилотку.

К крыльцу подвели коня, огромного, серого, с белыми бабками и белой звездой на лбу. Выбежал из дому Подречный с опухшим от сна лицом, охнул негромко:

— А нога-то, товарищ капитан!

Но тот, уже сидя верхом, помахал на прощанье, поправил наган на ремне и тронул коня.

— Фуражку разыскал! — крикнул Подречный.

Со стороны берёзовой рощи спешил к дому младший лейтенант Белоухов, узнавший о возвращении Дубяги.

Прошёл уже час или больше с тех пор, как Дубяга выехал на новый КП. Тем временем на хутор забрела старуха, низкорослая, в тёмном ветхом пальто. Проходившая мимо колхозница с лопатой на плече заметила её, незнакомую; заинтересовалась:

— Из погорельцев?

Старуха утвердительно кивнула головой.

— Чем ты живёшь? — пособолезновала женщина.

— На одном месте не живу. По деревням хожу, ворожу на картах, — ответила старуха.

— Ворожишь? — заинтересованно переспросила женщина. — Здесь на хуторе военные стоят, где же тебе заночевать-то? Шла бы лучше к нам в деревню.

— Может, разрешат здесь, — протянула старуха.

Женщина пошла дальше на работу по ремонту дороги, а старуха присела в стороне на брёвна

и освободила под подбородком рваный шерстяной платок.

Вскоре вернулся Дубяга. Он соскочил с коня, привязал его к дереву и пошёл к дому.

Старуха заторопилась за ним, окликнула:

— Обожди, красавец!

Дубяга обернулся.

— Пётр Семёнович кланяться велел вам низко,— глуховато нараспев протянула старуха.

Дубяга внимательно посмотрел на нее.

— Рад слышать,— сказал он,— в дом заходи.

Чай в кружке стынет перед старой Никитичной, а рассказ её еще не окончен. Дубяга внимательно слушает её, склонив голову, копна чёрных выющихся волос сползла на лоб ему. Медленно текут минуты, и с каждой из них подтаивает сердце Никитичны. Кто пробирался из тыла врага с одной мыслью — дойти, доставить важные сведения, знает цену этим минутам.

Никитична умолкла, перевела дух. Подперев ладонью разгорячённое лицо, она ощутила, как на виске под пальцами часто-часто бьется пульс. Ты дошла, старая Никитична, дотащилась...

Дубяга смотрит на неё лучистыми, сыновьими глазами, и нет сейчас никого на целом свете роднее этого парня.

Под вечер вернулся с передовой подполковник Ярунин, лицо его потемнело от солнца и пыли. Дубяга порывисто встал ему навстречу. В прозрачных глазах подполковника вспыхнул огонёк, а в радостной улыбке его расправились строгие морщинки по сторонам рта.

— С возвращением тебя,— сказал он, крепко пожимая Дубяге руку,— в добрый час.

К стр. 16.

Он поздоровался за руку с Никитичной и увёл её за перегородку. Усадив старуху рядом с собой, выслушал её неторопливый рассказ: на краю Ржева под видом школы связи разместились школа фашистских диверсантов; Пётр Семёнович днём и ночью следит за этой школой, нашему разведчику удалось проникнуть в школу, и он постоянно находится там.

Сложив на груди руки, Никитична рассказывала обо всём так просто, с такой ясностью, словно речь шла о привычных этой старой женщине делах, и хотя подполковнику многое было известно из того, что она рассказывала, он дал ей вволю выговориться.

Бесшумно вошёл младший лейтенант Белоухов, положил на стол перед подполковником расшифрованный текст донесения, замешкался у двери, с любопытством стрельнув глазами в Никитичну. Но Никитична не обратила внимания на него; не спуская глаз, следила она за подполковником, читавшим донесение. Это она, Никитична, принесла в своих игральных картах зашифрованное донесение от Петра Семёновича. Пётр Семёнович сообщал о том, с каким заданием, где и когда высадятся на парашютах диверсанты.

Подполковник внимательно перечитал донесение ещё раз и вышел с бумагой в руке. Он говорил с Дубягой. Никитичне было слышно, как, щёлкнув каблуками, Дубяга отправился выполнять распоряжение подполковника.

А подполковник вернулся к Никитичне и сел так близко возле неё, что в сумеречном свете ему было видно на её лице множество морщинок. Глядя в маленькие, живые глазки Никитичны,

подполковник расспрашивал об обстановке в Ржеве и всё чего-то ждал. Если бы она, пришедшая от туда, могла пролить свет на молчание «Брата»...

Но Никитична и не подозревает о существовании в Ржеве «Брата». До той поры, пока дело не потребует связи их между собой, они работают, ничего не зная друг о друге.

Никитична долго не могла уснуть на посланной ей Подречным постели. Ей было слышно, как на улице ржали кони, подполковник негромко отдавал приказания, кто-то споткнулся под окном и крепко выругался, звали Подречного.

Это она, Никитична, принесла через линию фронта зашифрованное донесение, и подполковник принимал меры, чтобы оградить штаб от диверсантов.

За окном простучали копыта, стихли. И снова всё смолкло на хуторе. Капитан Дубяга повёл в засаду небольшой отряд...

...На краю Ржева на базаре старуха Никитична узнала Петра Семёновича, хотя густая борода сильно изменила его лицо. Господи, да кто же мог признать его такого! Вокруг народ торопится продать, выменять, пока не нагрянули солдаты и полицаи, и среди людей стоит Пётр Семёнович, прежний главный агроном района, с большой кастрюлей, прикрытой, чтобы не остывал товар, толстой тряпкой, и торгует лепёшками.

По глазам ли его памятным признала Никитична или просто чутьём одинокого, обездоленного человека? Она положила руку на его кастрюлю и глянула на него снизу вверх.

— Ивана Переметова мать я, председателя колхоза «Путь Ильича», — говорила Никитична, и слёзы текли по её почерневшему от горя лицу.

Пётр Семёнович посмотрел в лицо её, в глаза долгим, припоминающим взглядом. Им было что припомнить обоим. Лучшим колхозом района был «Путь Ильича». Приезжал главный агроном, допоздна засиживался с Ваней, рассуждали о делах. Был колхоз, была семья, был дом, и в том доме хозяйкой была вдова Никитична.

Само горе ходит теперь по родному краю в облике этой старой женщины. Единственного сына Ваню на глазах у всей деревни фашисты повесили, каждого десятого в деревне расстреляли, и всю деревню сожгли за связь с партизанами. Гарь повисла над Ржевским районом. Все, кто мог, бежали к партизанам.

А старой Никитичне бог смерти не дал. Одной ненавистью жива она, ненависть глаза ей насухо высушила, а вот встретила родного человека, и слёзы текут, текут.

Пётр Семёнович увёл Никитичну домой в ближайшую деревню к свояченице, куда он сам перебрался из Ржева.

День-другой Никитична приходила в себя, а потом стала присматриваться. Свояченица ходит в дальние деревни покупать муку, жена Петра Семёновича печёт лепёшки, а Пётр Семёнович торгует лепёшками на базаре. Неужто так и живут: пригнулись, приспособились, притихли?

Стала Никитична ревниво следить за Петром Семёновичем, а он и не таился от неё, и скоро Никитична поняла — тяжёлая борьба ведётся против фашистских захватчиков, и борьба эта разная. Стала просить Петра Семёновича: и она

чем может помогать будет, жизнью своей она не дорожит, а пройти с заданием сумеет там, где и молодым не пройти.

Задержит её гитлеровец в зелёной шинели, схватит, прохрипит пучеглазый вражина: «Куда идёшь? Убью! К русским пробираешься!» Расплачется Никитична: «Внучонок там у меня. Внучёнок один-одинешенёк на той стороне остался».

Фашист толкнёт её в грудь и погрозит ей автоматом. Кому нужна старая! Невдомёк душегубу, что за поимку Никитичны крест ему причитается.

Никитична побредёт дальше, в другом месте к своим пробиваться станет, благо все тропки, лесные заросли, болота в родном краю исхожены-изведаны за долгую жизнь Никитичной.

Если ж спустит курок вражина, охнёт, упадёт на родную землю Никитична, чтобы никогда больше не подняться с земли. А пока жива, пока сердце бьётся в груди, пока ноги несут, будет и она помогать в борьбе с врагом. Ненависть сил прибавила старой женщине, ловкости, осмортительности, хочется дожить ей, дожидаться того дня, когда побегут враги.

Ночь за окном, а Никитичне всё ещё не спится. Тихо, тихо на хуторе...

Высоко стоят летние звёзды в небе. Стучит, как швейная машинка, маленький учебный самолёт. Простучит и замрёт. Исчез самолёт. Выключил мотор, планирует над противником, сбросит бомбы, гранаты. Откуда? Ищи его! Ночная бомбардировочная авиация! Маленький мирный самолёт, призванный на войну.

Задерёт часовой голову и ждёт: вернётся ли? Вынырнет вдруг над головой звук, живой и резкий, легче прежнего итти разгрузившейся машине. Часовой поправит ремень автомата, снова зашагает вдоль дома. От завешенных окон чуть брезжит свет. Тихо на хуторе.

* * *

Подполковник Ярунин ехал верхом. Навстречу нёсся грохот тяжёлой артиллерии, это справа две дивизии вступили с утра в бой за расширение своего плацдарма на высоком берегу Волги.

Вчера командующий вызвал к себе Ярунина. Отпустив докладывавшего ему начальника административно-хозяйственного отдела и своего адъютанта, оставшись в палатке с глазу на глаз с подполковником, командующий принялся его отчитывать:

— Что смотрят разведчики! — ругался он, — второй раз командный пункт передней дивизии меняет дислокацию и второй раз авиация противника накрывает его. Надо принять меры к пресечению шпиона, который, несомненно, радирует о передислокациях. С этой задачей подполковник выехал в дивизию.

Вдали расстилались неподнятые поля. «Второе лето воюем», — подумал Ярунин. Гул артиллерии стал тише, значит, огонь перенесён вглубь, и бойцы сейчас поднимаются в атаку.

Подполковника обогнала колонна автоцистерн; навстречу шли большие санитарные машины с ранеными. Подполковник Ярунин свернул влево с дороги по тропинке в лес. Пестрел выгоревший под солнцем кустарник. Непривыч-

ная тишина этого леса располагала к раздумью. Подполковнику вспомнилась опубликованная недавно в «Правде» статья под заголовком «В боях на юге решается судьба нашей родины». Так прямо и сказано. И хотя уже давно ясно, что на юге очень тяжело, эта статья всколыхнула мысли, чувства и тревогу, запрятанные под спудом ежедневных дел. Ясно одно — близятся решительные сражения, и сознание этого вселяло чувство возрастающей ответственности за события, участником которых был Ярунин, подтягивало его.

Хруст веток позади привлёк внимание Ярунина, он обернулся, кто-то догонял его. На тесной тропинке, выводящей из леса, лошадь, шедшая позади Ярунина, поравнялась с его лошадью. Верховой отковырял подполковнику и, словно извиняясь, что обгоняет, показав рукой на полевую сумку, пояснил: «Срочное донесение!» — взмахнул прутом, гикнул, и лошадь стремительно вынесла его на просёлочную дорогу. Лошадь Ярунина рванулась вслед; подполковник с трудом удержал её.

Вдоль дороги за умчавшимся всадником низко выстелилось белое облачко пыли. «Ловко,— подумал Ярунин,— казак»,— одобрительно сказал он вслух. И ему вдруг вспомнилось, что вот они с женой так и не выбрались на Дон, каждый год собирались съездить на родину Ани в станицу, да так и не съездили, и непонятно сейчас даже, чего ж было не съездить. Всё откладывали. Быстро, до чего же быстро, чёрт возьми, пролетели годы.

Подполковник невольно привстал на стременах, стегнул лошадь, она прибавила шаг, он уда-

рил её слегка каблуками, и она помчалась по дороге.

...Разрушенный гражданской войной приморский дальневосточный город. Ярунин лежит на койке в госпитале. Над ним лицо медсестры в белом платочке. Ярким синим светом светятся глаза её.

И видит он это сейчас так явственно, будто было вчера. А когда выписывался из госпиталя, позвал её за ворота, крепко до боли обнял, сказал упрямо: «Не хочу расставаться». Так и не расстались больше.

Память переносит на пограничную заставу. Рано утром после обхода он возвращается домой, у крыльца Аня кормит цыплят, их сто или больше, просто жёлтое озеро. Цыплята — это слабость Ани. Она стоит среди них большая, полная, чуть погрузневшая с годами, медленно сыплет зерно из лукошка. Поднимет лицо, увидит его, сощурится от солнца, ладонью прикроет глаза, рука её высоко до плеча открыта, золотится от загара.

— Ну, будет, будет,— уговаривал себя Ярунин,— совсем раскис.

Но снова и снова встаёт перед глазами первая ночь войны, боевая тревога, смертельный бой с внезапно напавшим врагом. Застава грудью прикрывала границу. Выстоять, не впустить врага на родную землю.

Женщин и детей увозили в тыл, но Аня не захотела ехать, осталась на заставе. Он видел её мельком издали, вместе с бойцами она подтаскивала снаряды к траншеям.

Навсегда врезалось в память растерянное лицо бойца, выкрикнутое им страшное известие. Аня

лежала, упавшая навзничь, с залитым кровью лицом. В летнем сиреновом платье, как застала её война.

Лошадь под Яруниным снова шла шагом. Он придержал её у старой разросшейся ивы, обломал прут, стегнул лошадь и поскакал вперёд.

Яркое солнце плыло по небу, набирая высоту, когда подполковник въехал в расположение штаба дивизии, и был окликнут часовым.

Раздосадованному Ярунину, — забыл узнать «пропуск», — пришлось слезть с лошади и пройти в палатку коменданта.

Комендант позвонил, и тотчас же примчался капитан Довганюк, офицер разведки дивизии. Довганюк радостно приветствовал подполковника и повёл его к своему блиндажу, по дороге сообщив:

— На передовой сегодня спокойно. В последних боях дивизия успешно потеснила противника. Гитлеровцы считают потери и едва ли опомнились; наши строят оборону. Строить приходится на глазах у противника, так что трудновато.

Они спустились в блиндаж. На бревёнчатых стенах ещё болтались кое-где серые листы бумаги, покрывавшие их прежде; стоял чужой, неистребимый запах, который после себя оставляли фашисты.

Довганюк подробно рассказал о человеке, подозреваемом в шпионаже: речь шла о шофёре штаба, бежавшем недавно при странных обстоятельствах из фашистского плена.

Дневной свет едва пробивался в узкое окошечко блиндажа, и лицо говорившего Довганюка расплылось белым пятном.

— Вы-то как полагаете? — спросил его подполковник, когда Довганюк закончил.

— Я, товарищ подполковник, считал бы, что следует повременить и продолжать наблюдения: если поспешим и окажется, что ошиблись, спугнём того, кого ищем.

— Распорядитесь свет подать, — сказал Ярунин. Он встал с прибитой к полу скамейки и зашагал: два шага вперёд, два — назад. Поглядев на поставленную на стол ординарцем начищенную керосиновую лампу, улыбнулся:

— Богато живёте.

Довганюк польщённо потянулся к подполковнику.

— Вы же знаете, у меня всегда порядок, товарищ подполковник.

Довганюк был чётко и тщательно в работе, но не обладал тем творческим проникновением в явления, которое позволяет охватить явление в его частностях и в целом. Он не мог подсказать подполковнику решение. Арестовать, не имея полной уверенности в том, что арестовываешь того, кого ищешь, было неправильно и вредно для дела. Но на войне промедление недопустимо, и если в мирных условиях разведчику в его упорной, умной работе приходит на помощь время, здесь иногда остаются только опыт и интуиция.

Довганюк выжидательно сидел на краю скамейки, молодое лицо его разгорячилось от напряжения. Ярунин с досадой отметил: подбриты брови. Ему хотелось остаться одному, взвесить всё, обдумать. Кто-то постучал в дверь блиндажа.

— Входите, — громко отозвался подполковник.

— Разрешите?

На пороге стояла девушка. По тому, как нерешительно поднесла она пальцы к берету, как попросила подполковника, понизив голос: «Разрешите обратиться к вам»,— было видно, что пришла она не по служебному делу.

Светлые волосы выбиваются из-под берета, желтые ремни поверх гимнастёрки складно опоясывают её накрест.

Довганюк вышел, поскрипывая щеголеватыми сапогами. Когда дверь за ним затворилась, девушка заговорила:

— Я видела вас издали, когда вы подъехали к нашему капе.

Ярунин промолчал о том, что и он тоже видел её. Опускаясь на скамейку, он движением руки пригласил её сесть. Она сидела подчёркнуто прямо, положив руки на колени. Руки немного велики, но красивые, и лицо красивое, ничего не скажешь. Знает она об этом, потому, наверно, заносчива, не в меру горда. Подполковник откровенно рассматривал её.

— Поздравляю вас с повышением в звании,— сказал он, заметив в её петлицах третий кубик.

— Спасибо,— сухо поблагодарила она и также сухо задала вопрос, ради которого пришла сюда, знает ли подполковник что-нибудь о нём. И тут же поправилась,— вернее, может ли он что-нибудь сообщить ей о нём.

Ярунину странно было слышать, как девушка называла его по фамилии. Вот уже несколько месяцев Ярунин и в мыслях не называл его иначе, только — «Брат». Ему хотелось поскорее окончить сразу ставший тяжёлым разговор с полужнакомой, настороженной и чужой девушкой.

кой. Она же держит себя так, словно имеет какие-то большие права. Ярунин всего раз видел их вместе, это было сравнительно давно, когда «Брат» еще служил в дивизии. В ответ ей он покачал отрицательно головой.

Девушка взглянула на подполковника, в суровом лице его с проступившими морщинами по углам рта, в пристальных прозрачных глазах она разглядела, быть может, что-то, встревожившее её.

— Я ведь ни о чём вас не расспрашиваю, — поспешно заговорила она, — я понимаю, что никто не должен ничего знать о нём, так нужно для дела и для его же безопасности, я только прошу сказать мне, здоров ли он, жив ли.

«Почему я должен утешать её? — спрашивал себя мысленно подполковник, испытывая какое-то тягостное чувство, похожее на ревность. Разве жизнь «Брата» менее дорога ему, чем ей?»

Он ответил резко:

— Я бы сам хотел знать об этом.

— Что вы хотите сказать?

Глаза её испуганно зашарили по лицу подполковника. «Сейчас заплачет», — подумал с опаской Ярунин, и, сам того не желая, он сказал вдруг с простодушной откровенностью:

— За последние недели я ничего о нём не знаю.

Она отвернулась от подполковника, зачем-то встала, отошла в сторонку. Стояла неподвижно, плечи её ссутулились, на боку отвис на ремне большой пистолет «ТТ».

— Вы сядьте, — сказал подполковник, — ведь ничего еще не известно. Сядьте. Вы слышите меня?

Девушка села на скамью, глаза её были сухими. Такой не легко заплакать. Неожиданно она заговорила, громко, искренне:

— Когда мы провожали его с капитаном Довганюком, он сказал нам, что его отзывают в штаб фронта, что оттуда он уедет в секретную командировку и не сможет никому писать писем. Он взял с меня слово, что сколько бы он ни отсутствовал, я не стану расспрашивать никого о нём. Потому что слухи ведь могут быть разными... Я дала ему слово, что всегда буду верить, что он жив... Очень трудно так долго не знать ничего... — сказала она вставая. — Извините.

Одёрнув гимнастёрку, спрятав волосы под берет, она ушла, молча пожав подполковнику руку.

Ярунин подумал, что был сух с нею, и пожалел об этом, ведь и он, так же как эта девушка, верит, что «Брат» жив.

Вернувшись в блиндаж, Довганюк застал подполковника над картами. Он изучал путь продвижения штаба дивизии и подразделений. По выписке из бюллетеня наблюдений за воздухом, лежащим перед подполковником, на этих отрезках дороги воздушный наблюдатель противника в день передвижения отмечен не был, значит, с воздуха противник не проследил, куда переместился штаб.

— Самолёты шли с запада прямым курсом на этот сосновый лес, где мы стояли, разворачивались над лесом и бомбили, — объяснял Довганюк. — Они шли с явно заданными координатами.

Подполковник вынул портсигар и протянул его Довганюку. Они закурили, молча попыхивали дымом; не хотелось прерывать молчания, в ко-

тором ощущался контакт двух курящих людей, задумавшихся об одном и том же.

Выплыло из дыма большелобое, чисто выбритое лицо подполковника. Он принялся снова подробно расспрашивать Довганюка о всех тех маленьких фактах, из которых составлялось грозное обвинение.

Внезапный грохот прервал их, сотряслась земля над головой, и дверь блиндажа вышибло взрывной волной. Снова самолёты противника бомбили командный пункт.

Капитан Довганюк бросился к телефону. Он приказал соединить его с постом воздушного наблюдения, записывал передаваемые ему данные, переспрашивал, снова записывал. Когда стихло, он положил на рычаг трубку и зачитал Ярунину.

Выслушав Довганюка, подполковник распорядился:

— Приказываю задержать подозреваемого и приступить к допросу.

Он первый вышел из блиндажа, мимо него пробежала группа бойцов с лопатами. Неподалёку бомбой вырыта большая воронка, ближайший блиндаж завалило, обрушились балки, землёй засыпало вход.

В стороне лежал накрытый шинелью раненый насмерть осколком в висок часовой. Винтовка стояла у него в головах, прислоненная к стволу дерева.

Бойцы принялись расчищать лопатами проход к двери. Снова появились над рощей самолёты, яростно забили зенитки. Кто-то крикнул: «Ложись!» Самолёты низко прошли над рощей, строча из пулемётов, пули врезались в древесину, с визгом зарывались в землю.

Четыре дня и четыре ночи отряд Дубяги сидит в засаде. Пасмурно, серо в лесу, часто идёт дождь, он просачивается в шалаш, негде от него укрыться.

Все продрогшие, злые, а злее всех Дубяга,— он исхудал, небритые щёки ввалились.

Круглосуточный пост выставлен над лесом. На высокую сосну у опушки, по зарубкам, сукам, приколоченным планкам карабкается вверх часовой. Тихо раскачивается сосна. Часовой стоит на деревянном щите, держась за колючие ветки сосны, и зорко следит за небом. Если покажется самолёт, часовой подаст сигнал: дёрнет верёвку — кусок железа ударит в старый, смятый таз, и все тотчас же разойдутся по местам. Но наивно рассчитывать, что самолёт с двумя немецкими диверсантами прилетит из вражеского тыла днём, когда ночи сейчас на редкость темны и благоприятны для выброски.

Потому так зол Дубяга. Его настроение передаётся всем остальным, и только сержант Бутин ничуть не угнетён. Вот он сменился с поста, по обрубленным сукам, планкам, зарубкам, по всей этой сложной многоступенчатой лестнице спустился вниз, одёрнул гимнастёрку и вразвалку, разминая ноги, подошёл, лёг у шалаша на срубленные ветки хвой.

— Что это как тихо на передовой? — спрашивает он, озираясь по сторонам, прислушиваясь, словно боясь; не пропустил ли чего, пока стоял на посту, — как перед боем.

По вытоптанной дорожке, от шалаша к опушке леса и назад к шалашу, ходит Дубяга.

День стал заметно короче, а в лесу он обрывается сразу, как только зайдёт солнце. Сумрачно становится, угрюмо, а следом наваливается ночь — тёмная непроглядно.

В засаде четверо. Никто не спит, все на-чеку, нельзя посветить фонариком, чиркнуть зажигалкой. Каждые полчаса сменяются часовые.

Донесение о немецких диверсантах принесла старуха Никитична. Её послал через линию фронта Пётр Семёнович, которому поручено наблюдение за школой диверсантов. А сведения эти добыл разведчик «Сокол», проникший в немецкую школу.

«Сокола» Дубяга видел всего один раз перед его вылетом. В тот день капитан Дубяга впервые прибыл сюда в армию, может быть, потому так накрепко врезалось ему в память всё, что тогда он видел.

Ярунин и «Сокол» сидели рядом на скамье, вполголоса разговаривали. В избе чадила коптилка. Слышно было, как за перегородкой плакал хозяйкин ребёнок, скрипела раскачиваемая люлька.

Немцы пристреляли большак, с нарастающим воем пролетали над крышей снаряды и рвались за деревней.

Подполковник инструктировал разведчика. «Сокол», ленинградский студент, не в первый раз отправлялся на задание во вражеский тыл, но сейчас он уходил надолго, и его задание было сложнее, требовало большей смелости, предприимчивости, чем прежние.

Он спустится в тылу врага за Ржевом, сожжёт или закопает парашют и пройдёт назад по дорогам мимо немецких часовых в Ржев. Документы

его исправны — он возвращается домой из Ельни, потому что закрылась пекарня, где он работал. На нём поношенное гражданское платье, в руках узелок с сухарями.

На западной окраине Ржева под видом школы связи обосновалась школа немецких диверсантов. Пётр Семёнович получил приказ неотступно следить за школой. К Петру Семёновичу направлен «Сокол».

Как отчётливы эти последние минуты прощанья! Взгляд умных глаз подполковника, крепкое его рукопожатие, сдержанная сердечная взволнованность, — вот то пристанище, к которому не раз будет мысленно обращаться из вражеского стана разведчик.

Долго тянется в лесу тёмная, сырая ночь. Вдалеке обшаривают небо бледные прожекторы, где-то в стороне застрекочет в воздухе самолёт и стихнет. Уже пятые сутки отряд сидит в засаде.

На шестой день засады утром прискакал комендант штаба. Он спешил и побежал на встречу Дубяге, придерживая кобуру с пистолетом. Едва выслушав его, Дубяга вскочил на свою лошадь, уже осёдланную с зари, и вылетел из лесу.

Когда он вернулся, по сапогам его, по животу лошади сползали серые хлопья пены, фуражка Дубяги сбилась на затылок, чёрные кольца волос слиплись на лбу. Он вынул из полевой сумки блокнот и в седле написал донесение подполковнику Ярунину:

«Сегодня на рассвете патрулями обнаружены в лесу, восточнее 4 км нашей засады, два парашюта.

Немедленно приступаю к прочёске леса, дорог и прилегающих населённых пунктов...».

Лошадь жевала удила, запрокидывала назад голову, мешая писать.

Дубяга приказал сержанту Бутину идти с до-несением к подполковнику, а бойцам — снять пост и приступить к прочёске леса. Весь день он не слезал с седла, рыскал с отрядом бойцов по лесу, по дорогам.

К вечеру небо очистилось. Казалось, солнце сегодня дольше обычного задержалось на небе. Дубяга ехал один. С трудом шла лошадь по бревёнчатому настилу, выстроенному на топком участке дороги, спотыкалась, соскальзывала тонкими ногами в щели между брёвнами.

По этой дороге могут пройти немецкие диверсанта к артиллерийским складам армии.

Там, где кончался настил, вышел из-за кустов часовой замаскированного контрольного поста, откозырял и приветливо заулыбался. Дубяга проехал мимо, потом повернул лошадь назад.

— Почему документы не проверяете? — крикнул он часовому.

— Я, товарищ капитан, ведь знаю вас.

— Ты меня знай, когда с поста сменишься, а сейчас ты часовой и все для тебя одинаковы.

— Есть, — сказал часовой.

Дубяга проверил, известно ли часовому, кого он должен задержать, какие документы на руках у этих двух человек, одетых в форму советских военнослужащих. Убедившись, что часовой правильно проинструктирован, Дубяга поехал дальше.

Перед поворотом дороги старый шлагбаум был вздёрнут вверх и нелепым журавлём торчал из-

дали. Сразу за поворотом начиналось сожжённое село: голые трубы, вздыбленные от пламени железные кровати, искалеченная домашняя утварь. Одиравшая кошка с голодным блеском в глазах бесстрастно прошла мимо. В тёмном проёме окна уцелевшей части дома трепетали от ветра клочья занавесок, они казались одушевлёнными на этом пустыре.

Знакомая картина пепелища, но она заставила содрогнуться Дубягу. Он сошёл на землю, через всё село тянул за собой лошадь. Пустынно, скорбно было вокруг. Наконец, село кончилось. Дубяга понуро постоял у опалённой пожаром сухой берёзы, занемевшими от усталости пальцами свернул папиросу.

Далеко отсюда, в Белоруссии, лежит его родная деревня, там родился, вырос он, ходил в школу, а в четырнадцать лет навсегда ушёл из дому.

...Скудный узелок его ловко прилажен на спину, за голенищем сапога походный нож. Встречный ветер бьёт в лицо. Он оглядывается в последний раз: далеко на дороге осталась мать, стоит она разутая, в руках повисли туфли. Трудно было овдовевшей рано учительнице вырастить четырёх сыновей, ещё труднее одного за другим проводить их. Ведь можно учиться в своём районном центре, но и этот, последний, уезжал в далёкую сторону, хотел итти своим путём.

Дубяга никогда не рассказывал о себе. Просто он считал, что никакой биографии у него нет. Окончил фабзавуч, работал на строительстве, со строительства ушёл в кадровую. Армия привязала его накрепко, здесь он и остался. Служил

на западной границе; был вместе с теми, кто принял на себя первый удар немцев и отходил с боями.

А мать? Они не очень часто приезжали к ней, её четыре сына. Незадолго до войны Дубяга гостил у неё. Мать всё такая же, шагает крупно, быстро, часто подносит руку к глазам по старой привычке откидывать со лба пушистую прядь волос. Деятельная жизнь и почёт, окружавший учительницу, молодили её, и только теперь, отделённый от матери линией фронта, он впервые думал о ней, как о старой, беспомощной женщине, думал с болью, с яростной злобой к врагу.

Может быть, такой же, как это село, он увидит и свою деревню. Дубяга размял в пальцах горячий окурок, бросил его и далеко сплюнул сквозь зубы. Голодная лошадь нехотя оторвалась от травы, подняла голову и пошла шагом.

* * *

«Вездеход» мчался по дороге. В машине, держась за ветровое стекло, стоял высокий человек в танкистском комбинезоне, с наголо выбритой непокрытой головой — командующий армии. Он любил на ходу машины охватить взором расстилающееся за дорогой неподнятое поле, изрытое гусеницами танков; и чёрным вороньём присевшие вдалеке на поле сбитые в рукопашном бою немецкие каски; и рощи и перелески, спалённые огнём артиллерии; и балку, что петляя бежит издалека наперерез дороге, то пропадая с глаз, то взметая вдруг за поворотом зелёные вершины обильно разросшихся в низинке деревьев.

Командующий ехал на передовые позиции. Встречавшиеся с машиной бойцы и командиры, узнавая, приветствовали его и провожали машину глазами. Командарма привыкли встречать на дорогах армии, в частях, на передовой.

Вправо от большака убегала к лесу свежепроложенная дорога. Генерал указал на неё шофёру, и машина круто свернула к штабу дивизии. Теперь машина шла по лесу, с хрустом подминая колёсами сухие сучья. Замелькали блиндажи, — «вездеход» въезжал в расположение КП дивизии. На ходу выпрыгнул сидевший на заднем сиденье адъютант с автоматом на груди.

— Где разместились разведчики? — крикнул он попавшемуся ему первым бойцу.

Шофёр подрулил к блиндажу, и командующий вышел из машины. Мимо часового, замершего с приставленной к ноге винтовкой, генерал спустился вниз по земляным ступеням, открыл дверь блиндажа.

Капитан Довганюк бросил на стол ручку, вскочил на ноги. Командующий остановил его.

— Как это случилось с Яруниным? — спросил он, грузно опускаясь на скамью, достал платок и вытер бритую голову.

Волнуясь, капитан рассказал, как подполковник Ярунин вышел из блиндажа, в это время над лесом снова появились вражеские самолёты, они низко спустились, обстреляли расположение штаба и, зайдя с севера, сбросили бомбы. Подполковник Ярунин был контужен, и его тотчас же увезли в санбат дивизии.

— Что говорят врачи? — спросил генерал.

— Врачи, товарищ генерал-лейтенант, говорят,

что подполковнику нужен полный покой, что он должен вылежать и тогда будет здоров.

Только сейчас командующий заметил человека, стоящего в стороне от стола. Он сосредоточенно рассматривал бревёнчатые стены блиндажа, уцелевшие на них кое-где серые листы немецкой бумаги. Командующий встал, сделал два шага в тесном блиндаже и оказался лицом к лицу с человеком, стоявшим в тени: низкий лоб, глубокий шрам между бровей, малоприметное лицо. Генерал вышел из блиндажа, а за ним следом Довганюк, приказав часовому спуститься вниз. Довганюк сообщил генералу об этом человеке, подозреваемом в шпионаже.

— Боюсь, товарищ командующий, поторопились мы задержать его, — решил он высказать свои опасения.

Шофёр уже включил мотор. Ставя ногу на подножку машины, генерал распорядился:

— Продолжайте допрос, результаты доложите мне.

Машина медленно шла по лесу, лавируя между деревьями. Когда лес кончился, шофёр прибавил газ, и «вездеход» помчался по дороге. Лесок по сторонам дороги, кусты на поляне ошетинились замаскированной артиллерией, почерневшие от копоти танки врылись в землю на короткую передышку. Навстречу дул сырой, пронизывающий ветер, он преждевременно сбивал с деревьев листья; над землёй беспокойно нависал толстый слой густых облаков; затишье на передовой сулило новые бои. На секунду перед глазами генерала мелькнули малоприметное лицо задержанного, низкий лоб, глубокий шрам между бровей. Враг или нет?

Лёжа спокойно, Ярунин чувствовал себя здоровым, но стоило приподняться, как койки с ранеными, палатка — всё приходило в движение, начинало раскачиваться.

Медленное, ленивое, непривычное существование. Непонятно, зачем прислали сюда Подречного, целый день маячит перед глазами, осовел от безделья. Говорят, генерал распорядился, чтобы кто-либо находился всё время при нём. Ярунин приподнялся на локте.

— Вот что, возвращаясь к себе, я уже здоров, — он сказал это решительно и, чувствуя, как неприятно поплыла палатка, осторожно лёг на подушку.

Не отпускали мысли о боях, развернувшихся под Сталинградом. Немцы рвались на юг, на Кавказ. «В боях на юге решается судьба нашей родины», — снова вспомнил Ярунин заголовок статьи в газете. В этот тревожный для родины час он настойчиво продумывал меру своих обязанностей. Это была укоренившаяся привычка именно так откликаться на призывы партии, придирчиво проверять себя, всё ли сделал, чего требует партия. Предстояло сражение за Ржев. Армия должна быть ограждена от шпионов, диверсантов, от вражеской диверсии нужно спасти Ржев — вот что становилось главным звеном в работе.

Если «Брат» жив, он понимает задачу и действует, в этом Ярунин не сомневался. До войны «Брат» служил на погранзаставе у Ярунина, и подполковник привязался к молодому командиру. Своих детей не было, и этому, идущему на смену,

он стремился передать свой жизненный опыт. Он учил его зорко, бдительно охранять границу, угадывать крадущийся шаг шпиона, различать, где прошла лисица, а где лисий хвост протащился на верёвке и замёл следы врага. Он хорошо знал боевые качества своего молодого друга и сейчас, сильнее, чем когда-либо, нуждался в нем. Ну а если его нет в живых...

Рядом застонал тяжело раненый. Ярунин лежал, уставившись в серый брезентовый потолок. Вот живёшь, работаешь, незаметно вкрадётся седина в волосы, а всё по-мальчишески горячо ждёшь своего часа испытать силы. И хоть в теле нет прежней ловкости, зато больше опыта, больше накопил душевных сил, больше и отдать хочется. Ждёшь, что придёт испытание, горячей тревогой полоснёт по сердцу. И вдруг нелепый осколок остановит, свалит тебя.

— Хватит,— зло сказал подполковник, решительно садясь, — завтра выписываюсь.

— Товарищ подполковник, — сокрушённо вздохнул Подречный, — вам же нельзя подыматься.

Койки закачались, опрокинулись, но он сидел, бледный от подкатившейся тошноты, яростно вцепившись пальцами в матрац, зажмурившись.

В накинutom на плечи белом халате, держа фуражку в руках, неловко ступая между койками, стараясь не шуметь, не опрокинуть ничего, капитан Дубяга подошёл к койке подполковника. Небритый, серый от пыли, он принёс с собой сюда, в палатку, в атмосферу больничного покоя, искусно созданную в прифронтовом лесу, напряжение военных буден, и раненые встревоженно провожали его взглядом.

Подречный замахал на него руками, но было уже поздно, — подполковник заметил Дубягу. Он сидел осунувшийся, с запавшими висками.

— Здравствуйте, товарищ подполковник, — и смутившись оттого, что видит своего начальника в таком необычном, беспомощном состоянии, Дубяга растерянно произнес:— А вы хорошо выглядите, товарищ подполковник... хорошо...

Подполковник поздоровался с Дубягой, медленно улёгся на спину, скрылись под одеялом его широкие плечи. Дубяга, наклонившись над койкой, тихо выпалил:

— Товарищ подполковник, задержан диверсант.

Подполковник повернул к Дубяге лицо:

— Один? — спросил он.

— Пока один, товарищ подполковник, розыск второго упорно продолжается.

— Кто задержал?

— Патрули, товарищ подполковник, возле деревни Вырино, в трёх километрах от артиллерийского склада... — торопливо сообщал Дубяга.— Я допросил его, немец сознался на первичном допросе, подтвердил задание...

— Кто распорядился задержать его, спрашиваю?

— Я, товарищ подполковник!..

Подполковник молчал. Глядя перед собой, мимо Дубяги, глухо заговорил:

— Вот что, отправляйтесь к коменданту штаба, сдайте ему оружие, доложите: накладываю на вас взыскание — трое суток ареста.

Незаметно подошла молоденькая веснушчатая сестра и стала рядом, не решаясь прервать подполковника.

— Ведь допросить надо, — растерянно проговорил Дубяга, еще не уяснив, что всё сказанное подполковником относится действительно к нему.

— Найдётся, кому допросить и без вас. — Повернув на подушке лицо к Дубяге, подполковник резко спросил: — Почему являетесь небритым?

Дубяга вспыхнул, на лбу, на щеках проступила краска.

— Выполняйте!

Дубяга надел фуражку, отдал честь и круто повернулся на каблуках; он шёл к выходу мимо коек с ранеными, накинутый на плечи белый халат разлетался за ним. Не успел выйти Дубяга, как в палатку вошёл младший лейтенант Белоухов с папкой в руке. «Что там дежурная сестра смотрит! Идут и идут!» — заворчал Подречный. Белоухов ежедневно приезжал к подполковнику, привозил почту, если за сутки были приняты порации донесения, докладывал о них. Вот и сейчас он протянул листок с донесением, но Ярунину трудно было читать; он долго вертел перед глазами листок, потом вернул Белоухову, сказав: — Прочти.

Из штаба партизанского движения передали: в Ржеве брошены гранаты в помещение тайной полиции.

По мере того, как читал Белоухов, лицо Ярунина смягчалось: партизаны в Ржеве начинают действовать активнее.

— Так, — сказал задумчиво подполковник, — ну, а что за почта сегодня?

Белоухов открыл папку, сидя на табурете у изголовья подполковника, тихо читал. Довганюк докладывал, что допрос задержанного шофёра

никаких результатов не дал, за недоказанностью преступления шофёра пришлось из-под стражи освободить; продолжают наблюдение за ним. Ярунин положил поверх одеяла большие руки с побелевшими ногтями, задумался нахмурившись. Белоухов впервые заметил, что у подполковника густая седина на висках, и вся голова в иголках проседи. Он записал под диктовку подполковника распоряжение об усилении розыска немецкого диверсанта, спущенного на парашюте: диверсант не мог уйти далеко, скорее он осядет где-либо, притаится на время, будет бездействовать, выжидая удобного случая, и это надо учесть разведчикам.

Конечно, Дубяга был бы нужен сейчас для розыска, и всё же его пришлось отстранить. Он бывает горяч, опрометчив в своих решениях и сегодня совершил грубый промах, задержав одного диверсанта, в то время как второй не был ещё обнаружен; надо было итти по следу диверсанта, не выдавая себя, чтобы не дать понять второму, что за ними следят, иначе тот скроется на время, заметёт следы.

— Можешь итти,— отпустил подполковник Белоухова. Недомогание проходило, и лёжа он чувствовал себя лучше.

Младший лейтенант стоял возле койки Ярунина, зажав папку подмышкой, беспокойно одёргивая полы гимнастёрки.

— Разрешите обратиться, товарищ подполковник!

Ярунин чуть заметно кивнул головой.

— Товарищ подполковник, переведите меня на другую работу!

— На другую?

— На оперативную...

Это было всё, что нашелся он сейчас сказать вместо заранее подготовленных слов, десятки раз повторенных про себя, таких ясных, убедительных. Но подполковник, видимо, понял, о чём просил младший лейтенант, он сказал:

— Погоди, Белоухов, каждому в свой час.

Это и опасался услышать Белоухов. Каждый хорош на своём месте: одним место в разведке, а другим — в штабе за рацией. Белоухов на секунду пригнул голову, как под ударом, скуластые щёки залило румянцем. Подполковник проговорил примиряюще:

— На всех хватит, Белоухов. Наша борьба не на жизнь, а на смерть, и впереди у нас ещё много серьёзных испытаний.

Когда младший лейтенант ушёл, Подречный поправил подушку под головой Ярунина, укрыл его одеялом.

— Ты чего? — спросил подполковник, — почему ты остался?

Подречный укоризненно покачал головой. Ярунин закрыл глаза, но он не спал, сквозь полуприкрытые веки ему было видно безбровое, обожжённое солнцем доброе лицо Подречного.

* * *

Дубяга лежал на постели поверх одеяла, головой к двери. Белоухов осторожно прикрыл за собою дверь, ступая на носках, сделал несколько шагов по комнате; предательски заскрипели половицы.

— Жора, — нерешительно позвал он, — вот табачку принёс, у тебя-то, наверное, курево кончилось.

Дубяга молчал. Белоухов положил пачку табака на край стола поближе к постели, потоптался на месте, заговорил громче:

— Брось, Жорка, нельзя впадать в такое настроение.

Дубяга приподнялся на локте.

— Уйди,— каким-то чужим голосом сказал он.

Белоухов пошёл было к двери, но раздумал, зачерпнул висевшим на стене черпаком воду из ведра, напился и сел на стул в дальнем углу комнаты.

— Поговорить с тобой всё собираюсь, — начал он немного спустя.— Ты вот сейчас, конечно, не очень расположен слушать. Всё же посоветоваться хотел с тобой... — Он сдвинул пилотку на затылок, провёл рукой по жёстким волосам. Дубяга молчал. — Понимаешь,— продолжал Белоухов,— пытался я обратиться к подполковнику. Тяготит меня моя работа... Особенно теперь, когда так тяжело на юге. Слышу наших разведчиков из тыла и каждый раз жду, что кто-нибудь из них спросит меня: ну как ты там проживаешь в тёпленьком своём местечке?..— он замолчал, уставившись на носки своих сапог.— Потом, вот ещё что... Здесь на хуторе живёт одна женщина... Тоня...

— О чём ты мелешь? — перебил его Дубяга.

Белоухов поднял лицо. Дубяга лежал в прежней позе, заложив руки за голову, был виден только его затылок.

— Я действительно пойду, — сказал Белоухов, поднявшись. Ему досадно стало, что он затеял этот ненужный разговор, пооткровенничал.

Хлопнула дверь за Белоуховым. Дубяга лежал без мыслей, с пустой, пылающей головой;

его мутило от злости за казавшуюся несправедливость совершённого с ним. Упустил диверсантов, это верно, — катастрофически не повезло с погодой, но зато оперативно провёл прочёску местности, организовал засады, контрольные посты, и результат ведь налицо — одного диверсанта задержали.

Вошёл Бутин. Этот принёс котелок с какой-то горячей едой, тарелку; долго возился у стола, звякнул пару раз ложкой и на цыпочках вышел, как из комнаты тяжело больного.

«Видишь, братец, дослужился», — мысленно произнёс Дубяга.

Изредка ему хотелось кликнуть в окно бойца и послать его узнать, задержали ли второго диверсанта. Интересно, что показал на подробном допросе задержанный первым фашист.

На вторые сутки пребывания в одиночестве мысли о диверсантах уже неотвязно томили его. Опять пришёл Бутин с едой. Дубяга попрежнему лежал мрачный, измучившийся. Бутин исподлобья хмуро глядел на любимого командира, страдая от сочувствия к нему. Не решаясь обратиться к Дубяге, он сосредоточенно шарил по карманам, пока, наконец, тот не спросил его:

— Тебе что?

— Вот, товарищ капитан, — проговорил Бутин, извлекая из кармана гимнастерки небольшой треугольник, — письмо пришло Хасымкули из дома.

Дубяга развернул треугольник, повертел перед глазами — письмо было написано по-туркменски, и сел, расчёсывая пальцами спутанные чёрные волосы.

— О чём ему пишут, как ты думаешь? — спросил он Бутина, возвращая ему письмо.

Держа перед собой исписанный листок, Бутин заговорил, словно читая:

— Во-первых, она, конечно, жалуется, что он редко пишет. Потом рассказывает, как беспокоится о нём и как соскучились по нему детишки. Пишет, что хлопок хорошо созревает... Наверно, пишет, что тяжело в колхозе без мужчин...

— Надо ответить, — сказал Дубяга, серьёзно выслушав его. Он достал из полевой сумки блокнот, самопишущую ручку и, положив их на стол, сказал Бутину: «Садись», а сам, не обуваясь, принялся ходить по комнате.

За окном вдалеке высокая тёмная ель зубчатой макушкой уходила в небо; в небе паслись серые, бесплотные облака, то сталкиваясь, то разбегаясь.

«Здравствуйте, уважаемая жена Хасымкули!» — продиктовал, наконец, Дубяга, и Бутин, брызгая чернилами, старательно заскрипел пером.

— Лучше — «многоуважаемая», — поправил он; Дубяга согласился.

«Бойцы и командиры воинской части подполковника Ярунина шлют вам сердечный привет. Ваш муж, Хасымкули, находится на выполнении специального задания и временно не сможет писать вам».

Бутин, подняв лицо с потемневшими глазами, задумался на минуту.

— А поймут ли там, что значит «специальное задание»? — спросил он.

Эти два слова, вмещающие в себя представление о боевых делах разведчиков, звучали для

них торжественно и волнующе. Между собой разведчики обычно говорили просто: «Задание», «Ушел на задание».

— Поймут, — убеждённо сказал Дубяга. — «Специальное задание», — повторил он вслед за Бутиным, как бы взвешивая слова.

Когда письмо в далёкий туркменский колхоз с пожеланиями собрать хороший урожай, с обещанием гнать беспощадно врага с родной советской земли, не щадя в бою своей жизни, было окончено, Бутин, аккуратно сложив исписанный листок, спрятал его в карман. Он ушёл, а Дубяга сидел на постели задумавшись.

Понадобились героические усилия многих людей, выполнявших специальное задание, чтобы добыть и доставить через линию фронта сведения о диверсантах, а он, Дубяга, пропустил диверсантов, а потом чего-то недоучёл, когда отдал распоряжение скрывшихся диверсантов при обнаружении задержать, и вот вторые сутки тянется позорный арест. Доискиваясь, в чём же совершил он ошибку, Дубяга понял: второй диверсант, убедившись, что его напарник не явился в условленное место, мог скрыться, замести следы. Значит, надо было, выследив диверсанта, временно оставить его на свободе.

«Прошу вас, сбросьте меня в тыл противника в глубокую разведку», — сочинял он короткий рапорт подполковнику. У него созревало решение — он должен отличиться, чтобы смыть позор наложенного на него взыскания.

День клонился к концу; непривычная тишина на хуторе угнетала Дубягу. Хоть бы Белоухов зашел, сообщил, как здоровье подполковника. Сидя на постели, он видел в окно, как въехал на

хутор «газик», как выскочил из него, сильно хлопнув дверцей, капитан Довганюк и быстро исчез из виду.

Неожиданно с шумом распахнулась дверь, и Довганюк, приложив руку к фуражке, громко сообщил:

— Подполковник распорядился, чтобы вы, товарищ капитан, приступили к допросу второго задержанного диверсанта, — он запыхался и умолк, чтобы отдышаться.

А Дубяга вскочил на ноги, высунулся в окно и кликнул бойца. Протянув стоявшую на подоконнике кружку, он наказал ему бежать на кухню за кипятком для бритья. Он выкладывал из полевой сумки на стол бритву, мыло. Довганюк тем временем рассказывал: разведчики дивизии выследили второго диверсанта и неотступно шли по его следу; диверсанта пришёл к шофёру, к тому самому, который подозревался в шпионаже и был отпущен за недоказанностью преступления.

* * *

Дубяга пристально посмотрел поверх лица арестованного. Бутин понял его взгляд, он сорвал с головы диверсанта пилотку, вырвал красноармейскую звёздочку, спрятал её в карман и бросил тому пилотку назад.

— Подойди, — приказал Дубяга.

Прибалтийский немец, высокий, сильный, лицо белесое, тяжёлая нижняя челюсть.

— Задание?

— Никакого задания, — ответил тот на чистом русском языке.

— Спрашиваю, задание? — повторил Дубяга.

Немец едва пожал плечами.

— Где собирался обосноваться с рацией?

— Где придётся.

— Приведите второго, — сказал Дубяга Бутину.

Шофёр вошёл, не смея разогнуть спину. Пойманный с поличным враг. Лоб низкий, глубокий шрам между бровей. Этот теперь во всём признается.

— Почему он пришёл к тебе?

Арестованный шофёр растерянно поглядел на немца и, видимо, соображая, что тот ему больше не хозяин, что жизнь его теперь в руках Дубяги, не мигая уставился на него.

— Он знал... — нерешительно сказал он.

— Что он знал?

Арестованный молчал, опустив голову.

На лицо Дубяги легла тень.

— Знал, что ты трусил, изменил родине, сдался в плен, продался врагу, а фашисты погнали тебя назад сюда на них работать. Твои хозяева растолковали ему, где ты находишься.

Шофёр развёл руками.

— Зачем ты понадобился ему? — спросил капитан Довганюк; он сидел у стола рядом с Дубягой.

— Он сказал, что я должен отвезти его в ближайший от передовой линии колхоз, — не глядя на немца, вдруг быстро и охотно заговорил шофёр. — Чтобы я сдал его председателю колхоза с письмом. А письмо у него было заготовлено заранее. В письме говорилось, что он был ранен, и теперь командир части просит оставить его в колхозе на излечение.

— Выходит, хотел удобно устроиться с рацией,— Дубяга усмехнулся.

Лицо диверсанта ни разу не дрогнуло, ни единым мускулом не выдало заинтересованности его в происходящем. «Матёрая собака»,— мелькнуло у Дубяги.

— Уведите его, — приказал он.

Диверсант вытянулся, приложил к голове руку на немецкий манер, круто повернулся кругом, и, споткнувшись у порога блиндажа, вышел.

— Какое задание принёс тебе фашист? — спросил Дубяга. В голосе его появились незнакомые нотки.

— Я, гражданин начальник, не хотел этого...

— Не мямли,— оборвал его Дубяга,— расстрелять тебя, шкуру, мало,— тихо, со злым бешенством проговорил он.

Шофёр испуганно заморгал глазами, оцепенело повёл головой по сторонам, на посеревших щеках его проступили пятна.

— Немец этот пока мне ничего не поручал...

— Пока у тебя уже было поручение, — не выдержал Довганюк.

— Он только передал мне, что если русские войдут в Ржев... Если русские войдут в Ржев, чтобы я отстал от части, спрятался и явился в дом на Речную улицу.

— А что там на Речной?

— Он ничего не сказал.

Дубяга взял чистый лист бумаги, пометил «Речная улица». Значит, на Речной улице в Ржеве есть дом, в котором после освобождения города Красной Армией останется какая-то группа фашистов. С какой целью?

Подполковник Ярунин вернулся из госпиталя, заночевал в деревне, где разместились его разведчики, а рано поутру, оставив машину, пешком отправился в штаб соединения.

Он шёл по деревне; кое-где еще не раскрыли ставни; в прозрачном утреннем воздухе еле приметным дымком курились избы; через улицу, нагоняя поросёнка, пробежала высокая женщина, босая, в овчинном тулупе; у крайнего дома по стене были выстроены конопляные снопы. Часовой у шлагбаума, присев на корточки, грел руки над тлеющим костром: когда Ярунин поравнялся с ним, он выпрямился:

— С выздоровлением, товарищ подполковник!

— Ох, Бутин, давненько я тебя не видел!

— С самой контузии, товарищ подполковник.

Ярунин с удовольствием рассматривал Бутина: солдатские ботинки с обмотками и шинель, хотя и побуревшая под дождями, спалённая у огня, ни на ком не сидит так складно. Бутин пошёл открывать путь, но подполковник, пригнувшись, уже пролез под шлагбаум. Он задержался ещё, оглянулся на деревню: стройными рядами весело убегали вдаль крестьянские избы; где-то возбуждённо заблеяла овца, словно её согнали с согретого места; женский голос сонно тянул песню; кто-то шёл огородами к ручью, слышно было, как на коромысле повизгивали пустые вёдра. Бесконечно приятны были эти звуки человеческого жилья.

— В хорошей деревне разместились, — сказал Ярунин.

— Одна во всём районе уцелела. В стороне лежит. Мы с капитаном Дубягой квартирьерами были, знали, что выбирать,— хвастливо пояснил Бутин. Тоненький солнечный луч упал ему на лицо.

«До чего же все близкими стали», — с неожиданной нежностью подумал Ярунин, быстро спускаясь под гору. Далеко тянулся пояс вымерзших яблонь, впереди — холм, за ним вставало солнце; осень золотая — в кустах дрожала паутина бабьего лета, высоко в небе стройным косяком уходили на юг журавли, на кустах яркими каплями крови были разбрызганы волчьи ягоды — последний привет лета. Ярунин срывал в горсть ягоды. Неожиданно ударила зенитка, дребезжащий, напористый гул прокатился по роще, подхватили, залились орудия круговой обороны штаба. Ярунин задрал голову: высоко над лесом в ясном утреннем небе висела «рама» — немецкий разведчик, предвестник воздушного и артиллерийского налёта врага.

В блиндаже капитан Дубяга, стоя на коленях на складном стуле, низко склонился над расстеленным на столе планом Ржева. Подняв голову на звук отворяемой двери, он вскочил и крепко сжал протянутую ему подполковником руку, спохватился, что стоит перед начальником в натальной рубашке. «Не ждал вас, товарищ подполковник, так рано», — смущённо потянулся за развешенной на спинке стула гимнастёркой. Подполковник молча рассматривал его: по открытой шее, по щеке Дубяги рассыпаны родимые пятна, чёрные волосы большими кольцами падают на лоб. Подполковник обратил внимание на план Ржева.

— Интересные сведения из Ржева, — с подъёмом заговорил он, испытывая жажду поделиться, — партизаны взорвали в городе здание гестапо и склад оружия.

Он прошёлся по блиндажу своей особенной походкой: мягкой, охотничьей. — В связи с этими событиями фашисты в панике переарестовали прежний состав городской управы. Вышел из доверия! — Подполковник засмеялся, широко расставив ноги, плотно засунув руки в карманы брюк. — Полная замена одних предателей другими, — продолжал он, подсаживаясь к столу. Взял цветной карандаш и синим концом, обвёл маленький квадратик на плане города. — Вот, — сказал он, — здесь обитает новый бургомистр... Жду подробного сообщения об этих событиях от «Брата».

Уловив замешательство на лице Дубяги, Ярунин нахмурился.

— Если сообщения не будет, наш опытный человек уйдёт в Ржев, заменит его.

— Есть, — сказал Дубяга, подавшись вперёд, словно он получил приказ идти в Ржев.

— А это что? — спросил подполковник, ткнув пальцем в жирную зигзагообразную линию, нанесённую на карту.

— Эта Речная улица, товарищ подполковник.

— Изучаешь?

У подполковника Ярунина широкое лицо с подчёркнутыми скулами, тёмные вразлёт брови над светлосерыми внимательными глазами, взгляд требовательный, зоркий.

— Здравствуйте.

Белоухов вздрогнул, повернул на голос голову, не сразу сообразив опустить разведённые по сторонам руки. Он занимался гимнастикой. Обнажённому по пояс телу стало жарко — внизу, в больших мужских сапогах, повязанная платком, осунувшаяся, стояла Тоня, разглядывала его растерявшееся, скуластое, до смешного молодое лицо, ёжиком торчащие волосы.

— Где наши стоят? — улыбнулась, и тонкой рябью набежали к глазам морщинки. Она с симпатией и любопытством относилась к этому парню, так терявшемуся при встречах с ней.

Он не слышал, о чём она спрашивает, в голове стремительно пронеслось: увести её в дом, чтобы отдохнула с дороги, накормить: в печке преет в котелке каша, сухари в мешке. Но никто из посторонних не должен входить в дом, где стоят аппараты Белоухова.

— Как вы до нас добрались? — выговорил он.

— Да вы не очень-то далеко передвинулись. Пешком до вас шла и на попутных машинах. В дороге заночевала, теперь дальше иду.

— Дальше?

— А вы не знаете, где наши стоят?

Сейчас только он сообразил, кого она ищет. Муж её, отличившийся в партизанских боях, находится в соседней деревне вместе с группой работников ржевского горкома партии и райсовета. Они продвигаются по своему району по мере освобождения его частями армии.

— Недалеко, недалеко, вон в следующей деревне, — заговорил Белоухов. — Часто приходит-

ся вот также рядом располагаться. Вы, как войдете в деревню, сразу увидите большую красную машину. Там городская пожарная команда стоит,— торопливо излагал он.— Спор идёт из-за этой машины. Наши кричат: демаскирует. А брандмайор, упрямый старик, ни за что не соглашается перекрасить. Он уже четырёх пожарных собрал, обмундирование раздобыл им и хочет в город вступить по всей форме...

— Да, да, уже недолго осталось ждать, все так думают,— перебила Тоня и тихо, радостно рассмеялась.

Она поблагодарила, попрощалась и пошла дальше. Чувствуя, что ей смотрят вслед, неестественно широко размахивала узелком с хлебом.

Он недолго постоял, боясь, чтобы она не обернулась, ушёл в дом. Одно хорошо — спать совершенно расхотелось. От бессменной работы, — людей не хватало и у него отобрали помощников, — накопилась такая усталость, что ни холодные обтирания, ни гимнастика не помогали больше, требовалось завалиться поспать часов шесть подряд. А теперь нет, ничего, вроде выспался. Собираясь надеть рубашку, он притянул кулаки к плечам, покосился на высунувшийся яблоком мускул. «Ничего, ничего», — ласково, как кого-то другого ободрил себя и вздрогнул, — рация заработала в неурочное время. Поспешно надевая наушники, он твердил:

— Приём. Приём. Я ракета. Я ракета. Слышу вас. Слышу вас.

Смолк и слушал.

Он содрал наушники, торопливо оделся и убежал на улицу, быстро миновал крайнюю избу.

Он не шёл, он бежал, нёсся на крыльях в штаб соединения, к подполковнику со счастливой вестью: «Брат» жив!

* * *

Блеснула в кустах нерасстрелянная пулемётная лента; убитая лошадь завалилась крупом в кювет, выбросив кверху сухие ноги. Земля на дороге, прежде глубоко размытая дождём, теперь накрепко ссохлась нескладными буграми, и машину подполковника то и дело подбрасывало. В стороне оставалось селение, где разместились разведчики, подполковник въезжал в соседнюю деревню. Здесь стояло всегда два-три разбитых дома, растаскиваемых на дрова. Подполковник не замечал тяжёлой угрюмости разрушенного войной человеческого жилья; в душе у него всё ликовало: «Жив, жив, жив. Был ранен, но сейчас снова здоров».

Отдав распоряжение шофёру отвезти пакет в дивизию Довганюку, он хлопнул дверцей и огляделся вокруг. «Стой!» — крикнул он вдруг шофёру, медленно разворачивающему машину. «Стой!» — он вырвал из записной книжки листок, написал всего одно слово «Жив», сложив листок и отдал шофёру.

— Разыщешь в дивизии в политотделе инструктора, старшего лейтенанта, девушку. Отдай ей это.

Он ведь даже не знал имени этой девушки, ожидавшей возвращения «Брата». Шофёр уехал, а подполковник Ярунин шёл вдоль разрушенной, сожженной деревни; вся деревня покрылась землянками, в них и переселились колхозники, да ещё в уцелевшие кое-где бани. Босоногие, худень-

кие ребяташки издали бежали за подполковником. Он спросил у старика, мастерившего шалаш из соломы, где тут разместилось районное начальство; старик указал ему. На подполковника глянуло измученное лицо со следами тяжёлых невзгод. «Скорей бы уж», — горячо подумал Ярунин о готовящемся наступлении.

Замаскированные машины привлекли внимание Ярунина: вот она, знаменитая машина пожарной команды, — множество срубленных молоденьких ёлочек старательно прикрывали её. Около машин у сложенной из кирпичей походной кухни хлопотала пожилая женщина. Другая женщина, в стёганой ватной телогрейке, тёплом платке и больших сапогах, сидя в стороне на брёвнах, чистила картошку над ведром. Она встала, смущённо улыбнулась подполковнику:

— Не узнаете?

— Теперь узнал. Здравствуйте! — Это была Тоня с хутора, на котором прежде размещалась разведка; она пришла сюда издалека, чтобы повидаться с мужем.

— Конохов где? — спросил подполковник у женщин о секретаре горкома партии.

— У них бюро заседает, — сказала пожилая женщина, кивнув в сторону землянки.

— Уж с час как начали, — добавила Тоня, снова принявшись за картошку.

Ярунин спустился в землянку, туго подалась и резко захлопнулась за ним дверь; сидевшие на тесно составленных лавках люди оглянулись на него; в полумраке землянки, сильно продывленной махоркой, подполковник с трудом разглядел сидящего за маленьким столом Конохова.

Тот издали кивнул ему. Рядом на лавке потеснились, подполковник сел. Шло заседание горкома партии. Говорила молодая женщина, председатель колхоза; она теребила концы белого платка, завязанного под подбородком, не освоившись еще в роли докладчика. Речь шла о копке картофеля, о вспашке зяби. Конохов задал ей вопрос, подполковник не расслышал, что именно спросил он, но вдруг женщину словно прорвало, она заговорила в голос — нет тягловой силы, на коровах много не вспашешь, да и пахать-то некому, людей нет.

Она села, а за ней стали подниматься колхозники. Их заботы, трудности прошли перед подполковником: не откопана картошка, не поднята зябрь, не проведен посев озимых, очень мало рабочих рук, поломан инвентарь, нет скота, людям жить негде, а зима на носу.

Потом выступил старик, такой же большебородый и угрюмый с виду, как тот, что повстречался Ярунину только что в деревне; скупое, но толково высказался он о делах и нуждах своего колхоза и от имени колхоза взял обязательство по вспашке зяби в сжатые сроки, по строительству жилых землянок, по ремонту дорог для нужд армии. Он сел, и на некоторое время воцарилось молчание, а затем все заговорили разом, заспорили между собой. Конохов постучал карандашом по оловянной кружке, призывая к тишине.

Снова один за другим начали подниматься председатели колхозов, объявляли о принятых на себя обязательствах. В заключение выступил Конохов. Голос у него был сильный, его слушали при полной тишине.

Конохов говорил о тех кровопролитных боях, которые ведёт Красная Армия с фашизмом, о мужественной борьбе партизан, и о том, что сыны, братья и отцы колхозников сражаются не на жизнь, а на смерть в рядах Красной Армии и в партизанских отрядах. Казалось бы, что нового сказал Конохов, — всё это и без него хорошо известно, а всё же во-время брошенное слово падает, как семя в рыхлую землю и цепко прорастает. И когда он после этого заговорил о тех очевидных трудностях, с которыми сталкиваются колхозники освобождённых деревень на каждом шагу, трудности эти увиделись присутствующим не такими уж непреодолимыми.

Конохов поддержал старика-председателя колхоза за его почин — выдвинутое им обязательство, но упрекнул его за план жилищного строительства в деревне. — «Не о землянках, а о домах надо думать. Сегодня может показаться, что то или иное дело еще за горами лежит, а завтра окажется — уже надо за него браться». На то они колхозные вожаки, чтобы смотреть дальше других.

Он кончил, и слово для сообщения попросил однорукий человек в военной форме без знаков различия. Его красивое, суровое лицо показалось знакомым Ярунину. Он вспомнил — этот человек, учитель, муж Тони, назначен теперь завгородоно. Он доложил собравшимся, в каких школах начинается учебный год, просил председателей колхозов помнить о заготовке дров для школ на зиму.

Заседание горкома кончилось, и председатели колхозов медленно выходили из землянки. Подполковник задержался, он продолжал сидеть,

вслушиваясь в разговоры людей, вглядываясь в их лица. На участке армии, бок о бок с действующими частями её, люди мирного труда уже заняты созидательной работой, они налаживают мирную советскую жизнь, ради которой борется Красная Армия.

Он встал, протиснулся к окружённому людьми Конохову.

— Ты ко мне? — спросил Конохов, протягивая ему руку, и, поняв, что подполковник хочет говорить с ним с глазу на глаз, предложил: — Выйдем?

Они вышли из землянки; на улице женщины хлопотали у огня над большим котлом.

— Гость у нас к обеду, — крикнул Конохов женщинам.

— Знаем, — отозвалась пожилая женщина, вытерев рукой лоб, и улыбнулась, — постараясь. Не краснеть же...

Конохов хромал — одна нога его после ранения была сильно укорочена.

Выглянувшее солнце расцветило нескошенную пожухлую траву. Всматриваясь туда, где за густым сосновым бором, за неподнятой землёй, за сожжёнными деревьями, за линией фронта, лежал занятый врагом город Ржев, Конохов, взяв Ярунина за руку выше локтя и крепко сдавив ее, спросил:

— Скоро ли?

— Скоро, — ответил Ярунин, глядя в пёстрое от весёлых рябинок и жёлтых веснушек лицо Конохова, правильно поняв его вопрос, — скоро погоним их из Ржева.

На Конохове — командирская гимнастёрка, маленький пистолет на ремне, на плечи накинута

телогрейка. Он был одним из секретарей горкома. В партизанских боях Конохова тяжело ранило, его вывезли на самолёте, и теперь после госпиталя он временно возглавлял горком.

— У меня к тебе дело, — начал подполковник, — в Ржеве в лагере заключённых действует подпольная группа.

Конохов заинтересованно поднял лицо.

— Замечательно, замечательно, — сказал он.

Подполковник поделился с Коноховым своими соображениями. Немцы, очевидно, будут держать лагерь в Ржеве до последнего дня, потому что им нужны рабочие руки, а перед отступлением они постараются угнать или уничтожить заключённых.

— Хотел с тобой посоветоваться, — говорил подполковник, — мне кажется, партизаны могут помочь им.

Конохов кивнул одобрительно головой.

— Наши все там, — сказал он задумчиво, махнув рукой в направлении города. — Здесь собрались только покалеченные, те, кто вышел из строя, — сказал он спокойно, без всякой горечи. — Трудно там сейчас работать. Ты ведь сам знаешь. Каратели, гестапо шарят повсюду. Фашисты бросили отборные дивизии против партизан. Значит, говоришь, и в лагере заключённых действуют подпольщики. Это хорошо.

Они присели на остатки завалившейся изгороди возле сгоревшего дома, закурили.

— Им нужно помочь, — сказал подполковник. — Давай, подумаем, как связать подпольную группу лагеря с партизанами, чтобы они могли совместно оказать сопротивление врагу.

Это одно. А затем вот что: мы получили сообщение от разведчика «Брата» — ему удалось проникнуть на работу в городскую управу. Теперь он будет располагать сведениями, полезными для партизан. До сих пор он действовал изолированно, а сейчас он свяжется с группой районного агронома. Вот я и думаю о том, что через него «Брат» мог бы доставлять партизанам информацию.

Конохов с интересом слушал его.

— Это очень важно для партизан. Мы примем меры, чтобы связать их, — сказал он.

Они задумались, глядя вдаль. Там за пересечённой балками равниной угадывался невидимый отсюда Ржев. Город в руках врага. Дальний подступ к Москве. Рубеж, на котором в решающей схватке столкнутся две силы.

* * *

Давно облетели последние листья, на деревьях чернеют опустевшие грачиные гнезда; льёт дождь, — бесприютно вокруг, уныло и сумрачно. Снова стонут машины на военном бездорожье, расходуетя неприкосновенный запас продовольствия.

Потом землю насухо высушил ноябрьский холод. Армия всё ещё стояла в обороне.

Легче бойцу броситься на врага, на смерть, чем томиться в окопе, мокнуть и замерзать, ждать сводок из Сталинграда и бездействовать. Но Ржев — это звено в едином большом плане.

Уже выпал снег, а до армии ещё не дошёл черёд наступать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗА РЖЕВ!

Жёсткий, крупчатый снег валит с неба; на узкой тёмной улочке ветер закручивает снег в воронки, швыряет большими горстями в окна. Человек поднял меховой воротник пальто, поглубже засунул руки в карманы и пошёл дальше, держась возле домов.

За восточной окраиной города, где земля изрыта траншеями, глубокими ходами сообщений, защитным валом — всей сложной обороной гитлеровцев, — взмечаются вверх ракеты. Это враг освещается. Багровый свет ракет распахивает мрачные проемы пустых окон. Безлюдно в городе...

И вдруг лающий окрик повис над улицей: фашисты гонят группу лагерников. Выбиваясь из сил, торопливо бредут люди. Два верховых подгоняют их, лошади врезаются в колонну, наезжают на людей.

Человек останавливается, пропускает мимо эту горестную толпу. Люди бредут безмолвно, лишь изредка раздаётся слабый женский вскрик...

На месте прежнего стадиона — лагерь заключённых. Снесена деревянная резная изгородь, густыми рядами тянется колючая проволока, через каждые десять шагов часовой с автоматом.

Колонна проходит за проволоку; а за проволокой люди под открытым зимним небом сбились на ночь в длинную цепь, прижались, притёрлись друг к другу, защищаясь от ветра. Мало тепла от ослабевшего тела соседа, но неоткуда больше взять тепла. Свет вражеских ракет освещает косые струи снега; снег падает на раскачивающихся в цепи людей — ещё одна длинная страшная ночь предстоит им. Здесь гражданские перемешались с военнопленными, мужчины с женщинами, старики с детьми, здесь истязают людей холодом, муками голода, насилием, расстрелами. Фашисты бросают за проволоку тех, кто подозрителен им, а подозрителен им каждый русский, у которого есть глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, руки, чтобы бросить в врага гранату.

Стиснув кулаки, человек проходит мимо, ускорив шаг. Гитлеровцы на передовой жгут и жгут ракеты, освещаются в страхе, чтобы русские под прикрытием ночи незаметно не пошли в атаку, чтобы не подползла бесшумно русская войсковая разведка, чтобы русские сапёры не перерезали проволочное заграждение на передовой, чтобы разведчик не проник, не прополз за линию фронта в русский город Ржев.

Освещайся, враг, стреляй вверх ракетами и трусливо озирайся кругом, вертись вокруг своего хвоста — страшись чужого воющего ветра, чужой снежной дали, шороха чужих заснеженных сосен.

А человек идёт по Ржеву. Гремит зенитная артиллерия, где-то высоко над городом урчит советский самолёт. Снег перестал падать, большая луна выползла над крышами; истекает время для передвижения, но человек идёт путаным длинным путём, замечая следы, обогнул дом и прижался к стене на минуту, озираясь испытанным глазом, не крадётся ли кто по его следу. Тихо вокруг... Смолкла артиллерия, и издали отчётливо доносится сухой треск одиночных выстрелов.

Человек скрылся в проходной двор, изменив направление, перелез через забор и вышел на пустырь, путь ему загородила большая свалка. Какие-то тёмные фигуры притаились на снегу, заметив его. Отступать было некуда, и он шёл прямо на них, замедляя шаг, споткнулся, чтобы выиграть время.

— Свой! — громко оповестил мальчишеский голос, и притаившиеся ребята заспешили своей дорогой, не обращая на него внимания.

Человек шёл дальше по родной израненной земле. Он вышел на западную окраину города, здесь дома шли реже, а дальше начинались деревни. Цель была близка.

— Стой! Эй, стой!

Прямо на него идут два фашиста. Поздно прятаться. Фашист дёргает его за рукав, морозным паром клубится у него изо рта винный перегар. Человек отвечает по-русски, невпопад, машет рукой вдоль улицы — вон сюда, мол, иду. Гитлеровцы не понимают его, он делает вид, что их не понимает. Другой гитлеровец сбоку тычет ему чем-то в плечо. Он оборачивается, и в грудь ему упирается дуло автомата. Гитлеровец показывает рукой на ноги русского: «Снимай, — при-

К стр. 62

казывает он. — Снимай!» Русский притворяется, что не понял, пытается рукой отворотить дуло автомата, но гитлеровец толкает его в грудь дулом. Он пятится на сугроб. «Снимай!» — кричит второй фашист. Сильный толчок, и русский садится на сугроб. Злобной ненавистью рвануло грудь ему. Гитлеровец спускает курок, и звук выстрела оглушает на мгновение. Автоматная очередь стелется вдоль улицы. Это так, предварительно, для устрашения, но фашисту ничего не стоит всадить пулю в человека, сидящего перед ним на снегу, и снять с него бурки. И русский сдирает бурки, далеко швыряет их. Фашисты бегут за бурками. Русский поднимается: снег обжигает ступни ног, шаг, ещё шаг, он сгибается, заматывает крепче намокшие в снегу портянки, снова шаг, превозмогая боль, принимается бежать. Скоро на всю долгую ночь наступит запретный час передвижения.

Боль утихает, а ноги отяжелели, он с трудом передвигает ими, кажется, вот-вот они отнимутся. Он приостанавливается возле ближайшего дома и опять бежит дальше. Бежит вытоптанной в снегу дорогой, останавливается на секунду в нерешительности и скрывается во двор. Вот он уже у крыльца, припал к двери, слушает и принимается дёргать дверную ручку. Сейчас каждая минута промедления мучительна. Человек, проваливаясь в снежный сугроб, подбирается к окну, стучит занемевшими пальцами. Чуть дребезжит стекло, никто не отзывается. Он снова у двери, дёргает сильнее и опять припадает ухом, слушает.

Дверь приоткрылась неожиданно, словно за ней давно притаились. Женский голос негромко

спросил: «Кто?» Вцепившись в дверную ручку, человек приглушённо ответил вопросом на вопрос: «Фашисты есть?» «Нету», — женщина робко выглянула на крыльцо, чтобы разглядеть его при лунном свете, ахнула, приняв за кого-то другого, отпустила дверь. Он шагнул через порог, обессиленно прислонился к стене.

Женщина взяла поставленную на притолоку коптилку и, поняв, что ошиблась, принялась рассматривать его, глянула на ноги, ахнула снова, на этот раз в голос, и, поддерживая его под локоть, повела на кухню, усадила у печи. Подхватив таз, она выбежала на улицу, как была — в ситцевом платье, в войлочных туфлях. Быстро вернулась со снегом. Стоя на коленях на полу, она разрезала ножом одеревяневшие портянки и растирала ему снегом ноги. Когда руки её нестерпимо заныли от снега, она сказала ему: «Теперь попробуй». Он встал, шагнул, пошатнулся, шагнул ещё. «Чуешь?» — спросила о ногах женщина. — «Немного». Она радостно захлопотала вокруг него, снова принялась растирать ноги снегом. С интересом разглядывала его: немецкие на нём брюки, чёрное зимнее пальто.

Откуда-то из полумрака кухни незаметно приблизился парнишка, кутаясь в большую овчинную шубу, он сел на пол тут же около таза со снегом. Мать спрашивала незнакомого: «Партизан? Ог немца убёг!» — а паренёк испуганно и зачарованно заглядывал ему в лицо.

Он не отвечал ни нет, ни да, а про себя подумал, что теперь придётся отращивать бороду, как у Петра Семёновича, чтобы люди не узнавали его.

Мать распорядилась, и мальчишка полез на печку, сбросил оттуда старые валенки. Пока человек обувался, из печи вынули суп, чтобы накормить незнакомого.

Женщина проводила его до двери, напомнила, не забыл ли он, что теперь уже до утра нельзя выходить на улицу. Он ничего не ответил ей на это и приоткрыл дверь: «Запомни: ни кого у тебя не было. И парнишке скажи: ни слова».

Она вышла за ним на крыльцо.

— За другого приняла, — сказал он, улыбнувшись. — Ну, прощай, спасибо за всё.

Запретный час...

А человеку надо притти на квартиру, где ждут его, и он идёт дальше, хотя ярко светит луна, скрипит снег под ногами, и темнеющий невдалеке сугроб может обернуться врагом.

Старуха Никитична давно уже ждёт его. У хозяйки квартиры неожиданный гость — племянница из деревни, притащилась с мешком картошки; хочет дожидаться, когда соберётся базар здесь, на краю города, чтобы выменять картошку на одежду. Ох, девка, девка, люди умирают с голоду, а ты вон чего. Хозяйка нервничает — чужой человек в доме.

А Никитична уже раскладывает карты по столу, — пригодилась на старости лет забава её молодости.

— Вот гляди сюда, — говорит она хозяйкиной племяннице, — дорога тебе дальняя легла.

— Ай, Никитишна, дорога? Ну? Верно ж это, — племянница шмыгает носом, взбирается коленками на табурет, держит над столом в поднятой руке копилку. — Уходить я решила, на

юг, подальше от фронта. И ты б, Никитишна, уходила, там легче прокормишься, а земля всюду одна, что там, что здесь жить...

— Одна-то, да не одна. Эта слёзы льёт, а больного дитя мать больше жалеет... Вот хлопоты в казённом доме через хрестовый интерес...

Стук в дверь, потом подряд: стук, стук, и опять чуть спустя: стук...

Никитична объясняет громче:

— На пороге у тебя король хрестей с интересом к твоему дому. Ты-то у нас, какая дама?

Племянница вздрогнула. «Кто это там стучится? В такой час?»

— Никого нет, — отзывается хозяйка, — вегер раскачивает ставень, забыла закрепить.

— Хрестей, хрестей, миленькая, — снова вся уходит в гадание племянница. — Ну, Никитишна, с интересом значит к моему дому?

— Да не прыгай ты, — одёрнула старуха переступавшую в волнении с колена на колено племянницу, — огонь дрожит. Поглядим-ка, что на душе хоронишь. У-у, на душе-то у тебя скука, скука чёрная лежит.

— Скушно, скушно, Никитишна, миленькая, чего ждать-то? Может, карты скажут...

Никитична закашлялась и смешала карты.

— Ай, Никитишна, что же ты делаешь!

— Заврались совсем у меня карты, помногу гадаю. Отдохнуть им надо. — Никитична прямо сунула карты в обвисший чулок.

— Ох, Никитишна, — огорчённо вздохнула племянница. Она принялась развязывать мешок, отсчитала несколько картошек — плата за гадание.

А Никитична вышла на кухню напиться. Хозяйка мигнула ей, указала рукой, Никитична обогнула печь.

— Здравствуй, «Брат».

Он берёт в свою руку её жесткую маленькую ладонь, усаживает Никитичну рядом.

— Запоминай, — отчётливым шопотом говорит он. — Сегодня же передать в партизанский отряд. Гитлеровцы силою до трёх батальонов с двумя танками готовят наступление на Оленинский партизанский отряд. Выступят в ближайший день...

Старуха нагибается над ведром с водой, гремит кружкой о ведро, — и повторив, возвращается в комнату.

Хозяйка, погасив свет, садится к окну; отдернув занавеску, она смотрит на освещённую лунной улицей, следит, не идёт ли кто, не грозит ли опасность «Брату».

«Брат» прислонился спиной к тёплой печке. Ноет под ключицей зажившая недавно рана, клонит в сон. Ему виден освещённый лунным светом профиль пожилой женщины у окна, — до утра просидит она здесь на своём посту. Он думает о том, что он, разведчик, посланный за линию фронта, не одинок на земле, оккупированной врагом. Незнакомая женщина, оттеревшая ему сегодня обмороженные ноги, и семья старого железнодорожника, где его спрятали и выходили, когда он был ранен в ночной перестрелке с патрулем, и хозяйка этого дома — все эти люди, рискуя жизнью, помогают ему. Одно чувство движет им и этими людьми — чувство любви к родной земле.

Ранним утром затемно он уйдёт отсюда, и снова поведёт свою сложную жизнь в облике заместителя заведующего торговым отделом городской управы. В связи с взрывами в немецких учреждениях фашисты в панике переарестовали прежний состав городской управы, заподозрили в измене. Ему удалось воспользоваться «смутой»: он проник на работу в городскую управу. Сложные, рискованные действия предшествовали этому.

Тепло от печки приятно согрело спину. Сквозь одолевавшую дремоту «Брату» привидилось... Зимний день первого года войны... Метель окутывает снегом темнеющий вдалеке разрушенный сарай, подкошенную снарядами ель — исчезают ориентиры. Он, офицер разведки, поведёт сейчас на задание небольшой отряд. Словно чуя, гитлеровцы наугад густо обстреливают передовую. За спиной люди ждут сигнала, чтобы выступить, поползти, а он на секунду замешкался, переживая, не стихнет ли обстрел. Вдруг, прорываясь сквозь вой метели, сквозь свист снарядов, донёсся громкий женский голос, он обращался к немецким солдатам, предупреждал их о трагическом для них исходе затеянной фашистами войны. В ответ лишь чаще полетели сюда вражеские снаряды.

Разведчики поползли, а над ними стелился ясный женский голос. Откуда взялся он здесь, на передовой, под усилившимся обстрелом противника в злую, заунывную метель?

Когда «Брат» вернулся с задания, он вспомнил и спросил, кто это обращался к гитлеровцам с передовой. «Девушка к нам из Москвы пришла, — объяснили ему, — студентка, в наш политотдел инструктором назначена» — и показали

её издали... Светлые волосы выбиваются колечками из-под серой ушанки, глаза большие, круглые. Офицерские ремни складно опоясывают шинель. Так он впервые увидел её. Валя, Валенька...

Он отогнал дремоту, встал. Хозяйка попрежнему сидела на своём посту у окна. Луна померкла, темнее стало на улице. Наступало утро, пора было уходить...

* * *

Сегодня подполковник Ярунин сам пришёл дежурить у аппаратов. Ночь с четверга на пятницу — это время для связи с «Братом». Всю ночь подполковник просидел в наушниках, глаза его были прикрыты веками, может быть, дремал или просто сосредоточенно прислушивался. Белоухову ни разу не приходилось так долго находиться наедине с подполковником. «Товарищ подполковник, можете доверить приём мне», — хотел сказать ему Белоухов, но так и не решился. Он подбрасывал поленья в железную печку, смотрел на огонь.

Фашисты судорожно вылавливают всех, кто сколько-нибудь подозрителен им, каждый день приносит новые тяжёлые известия: погиб разведчик, оборвалась связь... В этих условиях необходимо было сохранить людей, менять характер связи, не погубить созданную мудрым опытом, изобретательностью и презрением к смерти кропотливую, выверенную, как механизм, разведку в тылу врага и в то же время нельзя было ни на один день отказаться от своевременного получения донесений. Поэтому так напряжённо ждут здесь, по эту линию фронта, связи.

Наконец, «Брат» заговорил. Ярунин слушал его, вставляя короткие, мало понятные Белоухову замечания. Окончив приём, Ярунин встал, возбуждённо зашагал по блиндажу, остановился, спросил у Белоухова:

— Ты в Ржеве ориентируешься?

— Да, товарищ подполковник, ведь Ржев мой родной город,— пылко ответил он.

Ярунин ушёл, не сказав больше ничего, оставив Белоухова в смятении: что означает его вопрос?

Задевая ветки деревьев разлетающимися руками накинута на плечи шинели, подполковник шёл по лесу, вслед ему с потревоженных веток осыпался снег. Хорошо дышалось в этот ранний час морозного утра.

В лесу за несколько дней вырос военный город: густо лепились друг к дружке блиндажи, образуя подобие узкой улички; над протоптанными в снегу тропинками, от сосны к сосне протянулись наскоро сколоченные перила — это чтобы ночью, не зажигая фонаря, передвигаться наощупь; вверх в безветренный воздух поднимались из труб прямые столбы дыма.

Навстречу подполковнику неслись приветствия часовых, хрипловатые от продолжительного молчания голоса. Подполковник заметил появившегося на опушке леса капитана Дубягу, вечером выехавшего с заданием на передовую. Почему вернулся Дубяга? Кого привёл он?

Дубяга подбежал, поднёс руку к ушанке, доложил подполковнику:

— Из ржевского лагеря заключённых от Хасымкули прибыла связная.

Подполковник поправил сползшую с плеча шинель, подошёл ближе, разглядел: наглухо завязанный платок, глубоко впавшие глаза, измождённое лицо. Он поздоровался и неловко пожал вместе с рукавом протянутую ему в ответ руку.

На топчане в блиндаже разметалась в жару связанная из ржевского лагеря.

— Люба, — тихо зовет её Дубяга, — Люба, ты вспомнила?

Она медленно, широко распахивает глаза, тусклый язычок копилки дрожит у неё на лице. Лицо худое, скулы обтянуты кожей, рот стиснут в напряжении.

— ...Припомнила, — с трудом выговаривает она, — еще гоняли на угол Калининской улицы...

— Там тоже гнёзда для мин?

— Да, и там... откапывали... Три дня гоняли туда на работу. Земля мёрзлая... ломом били...

Она снова закрывает глаза. Дубяга возвращается к расстеленному на столе плану Ржева: фашисты начали минировать Ржев, на улицах, дорогах, под домами глубоко закладываются мины. Об этом сообщила Люба, связанная подпольной группы лагеря. Дубяга нашёл на плане Калининскую улицу, сделал ещё одну пометку.

Как и предполагал подполковник Ярунин, посылая Хасымкули через линию фронта в ржевский лагерь, фашисты заставляли заключенных отрывать гнёзда для мин. Подпольная группа лагеря выполнила задание, переданное ей Хасымкули, собрала сведения, где работали люди.

Все эти данные занесены Дубягой на карту, но сейчас ясно, что этого недостаточно, необходимы исчерпывающие точные сведения, необходим точный план минирования Ржева.

Люба подзывает капитана Дубягу.

— Пить хочешь? — спрашивает Дубяга.

Пришла девушка к своим и свалилась, сдали нервы. Жажда выговориться, рассказать всё о себе, о пережитом мучает ее. О том, как кавалерийская дивизия по приказу ставки с боями прорвала оборону врага, скрылась глубоко в лесу и пошла рейдом по немецким тылам, как пришлось ей, радистке, остаться в лесу для связи с Большой Землей, а дивизия, выделив отряд охраны санбата, ушла дальше: кони взбороздили снег, кавалеристы помахали на прощанье — только их и видели.

Раненых разместили в пустых партизанских землянках, и Люба приняла по радиции: завтра выйдут самолёты, жгите костры.

Наутро фашистский карательный отряд атаковал лесной лагерь. Врачи, санитары, раненые стойко сражались, и фашисты дважды отходили, а в третий, это было уже к вечеру, они вернулись с пополнением. У наших кончились боеприпасы. Фашисты вытаскивали раненых на снег, избивали, кололи штыками, расстреливали. Это длилось долго. Когда стемнело, гитлеровцы заторопились, боялись встречи с партизанами, и тех немногих, кого еще не успели расстрелять, по гнали из лесу. А над лесом в это время появились самолёты, они долго кружились, высматривая костры...

Глаза Любы сухо горят.

Где-то совсем близко грохнул тяжёлый сна-

ряд, подпрыгнула на столе коптилка, с потолка посыпалась земля, едва не погасив её.

Люба замолчала. Дубяга накрыл её своим полушубком и вернулся к столу.

Казалось, немало пройдёт времени, прежде чем оправится Люба. Она не выходила из блиндажа, часами просиживала на топчане грустная, не от- решившаяся от пережитого.

Подречный, когда случалось у него свободное время, подсаживался к девушке. У самого — дочь ровестница Любе, но своя — дома, в колхозе живёт, а этой, такой молоденькой, сколько горя пережить пришлось. Солдатскую ношу несёт она наравне с мужчинами. Глядя исподлобья на истощённое лицо девушки, Подречный сокрушался. Он сходил к старшине за обмундированием для Любы, перерыл склад в поисках вале- нок поменьше размером и вместе с девушкой ра- довался её обновкам.

А через несколько дней Люба преобразилась. Ей не сиделось на месте: то обходила она лес, заселённый блиндажами, привыкая к окружаю- щему, приглядываясь ко всему со счастливым чувством возвращающегося к жизни человека, то в поисках дела спускалась в блиндаж-кухню и подсаживалась к бойцам чистить картошку или уходила в глубь леса за сучьями на растопку.

Подполковник Ярунин сказал ей:

— Отдыхай пока, сил набирайся а потом найдём для тебя работу.

Девушку не узнать, — с каждым днём в круп- ных чертах её лица обнаруживается столько при- влекательности, что хочется смотреть и смотреть на неё.

Часовой провожает её взглядом, а боец-башкир останавливает её:

— Постой, Любонька, хорошая! — примерясь к полену, он ловким ударом топора разрубает его. — Вот! — и снова продолжает рубить. Пусть полюбуется его работой, одна она у нас девушка в воинской части подполковника Ярунина.

Люба следит за топором башкира. Ей весело оттого, что Дубяга стоит недалеко и смотрит на неё.

— Люба! — зовёт он.

Она подходит к нему.

— Проводи меня, в штаб сходить надо.

Протоптанная в снегу тропинка вот-вот кончится, приведёт их к штабу, и, чтоб продлить свой путь, они сходят с тропинки в лес по нехоженному глубокому снегу. Снег пухлый, искристый лежит на ветках деревьев, в просветах между макушками хвои — небо чуть розоватое, как топлёное молоко.

Люба с трудом выбирается из глубокого снега, и вдогонку опередившему её Дубяге летит снежок. Она пытается бежать, но Дубяга догоняет её, и, схватив за руки, не давая ей вырваться, ударяет палкой по веткам, и весёлый снежный дождь сыплется на них.

Нечаянно они встречаются глазами и перестают смеяться. Любе кажется: может быть, она осталась жива, вырвалась из рук врага для того, чтобы дожить до этой минуты.

— Не заблудишься, девушка, обратно пойдёшь? — спрашивает Дубяга.

Они расходятся, не глядя друг на друга, не сказав больше ни слова, у обоих стучит сердце.

Крутит снежной вьюгой по низу, ватное небо нависло над головой.

Идут на фронт на пополнение сибирские батальоны в новых белых полушубках, с новыми автоматами на груди. Двигутся танки, артиллерия, груженные машины. Санитарные собаки, по четыре-пять в упряжке, крупные разномастные, тащат на передовую пустые лодочки, в которых они вывозят с поля боя тяжело раненых. Дорога звенит от их разноголосого остервенелого лая.

Дорога идёт по следам войны, через разрушенные, сожжённые деревни; снегом заносит останки жилищ, а голые трубы тянутся вверх, они врезаются в память, в сердце.

Чуть развиднелось с утра, и тягач уже пробирует дорогу, за ним идут колхозницы с лопатами и расчищают снег.

Густо дымят трубы вновь вырытых крестьянских землянок. Милые, случайные пристанища бойца, здесь тесно, чадно, но бойцу всегда отведут место у огня, расспросят о делах. И хотя трудно живётся сейчас солдатским жёнам, никто не навяжет бойцу свои невзгоды, ему и своя ведь ноша нелегка.

У бойца крепкая память, она сбережёт их всех, женщин России, обогревших его, подавших ему напиток, пожелавших ему счастливого пути.

— Повтори, — тихо сказал подполковник.

Они были вдвоём с Дубягой в блиндаже, их никто не мог слышать, но говорили они вполго-

лоса. Глядя прямо перед собой, нахмутив лоб, Дубяга начал:

— Перехожу до рассвета линию фронта с южной стороны города. Двигаюсь по улице Калинина через Цветочную. Если обстановка изменилась, и эти улицы окажутся трудными для продвижения, изменяю маршрут... К исходу дня прихожу в городскую управу. Первый этаж, четвёртая комната налево, заместитель заведующего торговым отделом Меринов Николай Степанович, высокого роста, волосы чёрные...

— Небольшая чёрная бородка, — добавил подполковник. — Дальше ты знаешь, — остановил он Дубягу. Он отстегнул нагрудный карман, поширил, что-то достал.

— Возьми, — он протянул Дубяге на ладони маленький обломок от кости домино, — это половинка от дупеля два, покажешь Меринову, он сразу поймёт, от кого ты.

Они разом поднялись, стояли друг против друга; через плечо подполковника Дубяге была видна карта на стене, а под ней на полу — яловые сапоги подполковника. Плащ-палатка, натянутая на верёвке, завешивала койку Ярунина. Пустой блиндаж вдруг показался Дубяге обжитым, домашним. Он встретился взглядом с подполковником.

Коротки были сборы Дубяги — выбрился, подтянул потуже ремень, повесил на плечо вещевой мешок. В мешке у него гражданская одежда. Он уйдёт сейчас в дивизию на передовую, а рано утром затемно поползёт через линию фронта.

Ярунин вышел проводить его. Падал снег,

рано темнело в лесу. На опушке леса их догнала Люба. Помолчали, оттягивая минуту расставанья.

Когда человек уходит на задание, много слов при прощанье не произносится. Скажет: «До свиданья», и пошёл. Может быть, и хочется ему кое-что добавить, но очень уж боязно громких слов, да вроде и не к месту. Сегодня я уйду, завтра, будет надо, пойдёшь ты. Вот за то, что уверен в этом, за нашу общую борьбу, за общую судьбу нашу, давай пожмём руки.

Дубяга попрощался с Яруниным и подошёл к Любе. Девушка поспешно стянула с руки варежку, уронила её в снег.

Дубяга ушёл далеко по дороге, обернулся, и, сняв шапку, помахал им на прощанье.

* * *

Подполковник распорядился: младшему лейтенанту Белоухову сдать аппараты Любе и приготовиться к выполнению задания. Задание следующее: выйти в Ржев в распоряжение Дубяги.

Подполковник отпустил Белоухова отдохнуть, а навстречу младшему лейтенанту в блиндаж вошёл сержант Бутин.

— Разрешите?

Он крутнул руку к виску, отчеканил:

— По вашему приказанию прибыл!

— Подсаживайся к столу, товарищ Бутин, — сказал подполковник.

Дрова давно прогорели, в блиндаже было холодно, подполковник кутался в шинель.

— В Ржев надо пройти, — заговорил подполковник, помолчав. — Пойдёшь не один, прове-

дѣшь младшего лейтенанта Белоухова через линию фронта.

Он встал, положил руку на карту, висевшую на стене. Большая рука его перерезала оборону противника, словно перекидывала мост из нашего расположения в оккупированный город.

— Справишься, как ты думаешь?

— Чего ж думать, товарищ подполковник, не в первый раз.

Не в первый раз, это верно. Уральский рабочий-слесарь, Бутин с начала войны в разведке. В боевых испытаниях, где надо быть умнее врага, отважней и искусней его, ковался мужественный характер. Бутин — надёжный товарищ идущему с ним рядом разведчику, их роднит, родней, чем братьев, общая вера, общая ненависть к врагу, общая боевая задача, Бутин не дрогнет сам и свою стойкость сообщит товарищу.

Таким был Бутин в разведке, и Ярунин поручал ему самые ответственные задания. А вернувшись с задания, он снова становился весёлым человеком, добродушно переносящим невзгоды фронтовой жизни, словно берёт энергию, чтобы в нужный момент от мобилизоваться, собрать волю в кулак и действовать отважно, дерзко и точно.

Глянув на валенки Бутина с щеголевато загнутыми голенищами, подполковник распорядился:

— Покажи валенки. Исправны? А ноги не стёрты?

— С чего стереть, — усмехнулся Бутин, — бегать от врага привычки не имею.

Медленно покачивая головой, он слушал подполковника, запоминал по карте маршрут, но

в мыслях он был уже далеко отсюда и жил иной, особенной, известной только разведчикам жизнью.

А Белоухов, выйдя от подполковника, почувствовал, что ему совсем не хотелось отдыхать, как посоветовал ему Ярунин. Солнце только садилось, и лучи его расцвелили лес. Белоухов возбуждённо шагал по снегу. Большие мохнатые лапы елей задевали лицо. Он не замечал ни часовых, ни замаскированных штабных машин.

Вдалеке по просёлочной дороге кто-то быстро шёл. Проваливаясь в снег, Белоухов заспешил по снежной целине наперерез. Когда он, наконец, выбрался на дорогу, женщина в тёмном пальто, с мешком на спине, ушла уже далеко вперёд. Он крикнул неохотно вдогонку ей:

— Тоня!

Она услышала, оглянулась, Белоухов побежал к ней.

— Здравствуйте, Тоня! — издали прокричал он.

Лицо её, низко по брови укутанное тёплым платком, казалось маленьким, совсем детским.

— Кула вы спешите?

— В Ржев спешу, — она улыбнулась, но оттого, что она давно была в пути и губы у неё замерзли, улыбка получилась короткой, беспомощной. — Наши городские учреждения уже готовятся вступать в Ржев, и я хочу с ними. С мужем думаю, густят меня. Как вы думаете?

Он ничего не ответил, потому что был переполнен охватившим его ликованием — он готов был сейчас, немедленно погибнуть за Тоню, за все городские учреждения.

— Я пойду,— сказала Тоня, поправив на спине мешок,— а то, боюсь, замёрзну.

Она обернулась и крикнула ему:

— А вы-то сами когда же? Прозеваете, смотрите. Ржев как раз без вас и возьмут.— И помахала ему на прощанье.

* * *

Третий час длится заседание Военного Совета соединения. Жарко натоплено в блиндаже, под низким потолком висят клубы табачного дыма.

Командующий отпил глоток остывшего крепкого чая и сказал, проведя ладонью по гладко выбритой голове:

— Слушаем вас, товарищ Ярунин.

Подполковник коротко повторил то, что было уже известно Военному Совету и над чем весь этот месяц трудились его люди. Фашисты заминировали Ржев. Они делали это тщательно, продуманно. Мины вложены в специальные ящики, и это затрудняет обнаружение их миноискателями. Когда наши части войдут в Ржев и в освобождённый город двинутся поезда, а в городе разместятся тылы армии со своими складами, немецкая диверсионная группа приведет системы мин в действие.

— Ржев должен быть сохранён, — сухо сказал командующий. Он отодвинул от себя накалившуюся керосиновую лампу. Лицо его оказалось в тени. — Дивизии будут гнать противника. Они далеко оторвутся от наших коммуникаций. Через пару недель дороги могут стать. Бесперебойная работа ржевского железнодорожного узла — одно из условий успешного развития наступления.

Он склонился над картой, и лицо его снова попало в свет лампы; оно выглядело сосредоточенным и хмурым, над подвижными бровями сели толстые бугры. Обращаясь к Ярунину, он добавил:

— В тылу нашей армии всё должно оставаться спокойно. Нельзя допустить, чтобы здесь у нас были жертвы.

Он замолчал и карандашом отметил на карте границы наступления основных сил армии.

— Если бы нам пришлось после освобождения Ржева выводить из города войска и население, это посеяло бы панику,— добавил член Военного Совета. Командующий задумчиво смотрел в его обветренное лицо и утвердительно кивал головой.

— Пётр Ильич,— сказал он, приглашая высказаться своего заместителя по тылу.

Генерал, командующий тылом, поднялся; худощавый и очень высокий, он стоял, чуть склонив голову, держа перед собой листок со столбцами цифр.

— Одним продовольствием мы обеспечены на 70 суток. О боеприпасах и говорить не приходится. Всё это составляет много тонн,— излагая, он теребил длинными пальцами листок бумаги.— Весь этот огромный груз нужно перекинуть вслед за наступающими войсками. Но после снегопада дорога для машин еще не пробита. Прогноз же погоды неблагоприятный — днями ожидается оттепель. Я намереваюсь большой груз пустить потоком по железной дороге. Рассредоточить склады, взяв за основу ржевский железнодорожный узел.

— Всё ясно,— сказал командующий, тяжело

кладя на стол широкую ладонь. Повернувшись всем корпусом к Ярунину, он спросил: — Что вам надо в помощь?

У Ярунина глаза полуприкрыты, лицо непроницаемо, он ответил, словно очнувшись:

— Роту сапёров, товарищ командующий.

— Это все?

— Пока да.

— Пётр Ильич, отдашь Ярунину своих сапёров. — Командующий шумно встал и крикнул адъютанта.

— Раздеваешь, — пожаловался заместитель командарма по тылу, подсаживаясь к Ярунину, — может обойдёшься двумя взводами?

Ярунин затаился, выпустил табачный дым и покачал головой, не вынимая изо рта папиросы.

— Не скупись, Пётр Ильич.

По распоряжению командующего ввели «языка». Соблюдая инструкцию, его доставили сюда, на новый наблюдательный пункт соединения, с завязанными глазами. Сопровождавший боец сорвал с глаз пленного повязку, и тот ошеломлённо попятился.

Широко расставив ноги в больших чёрных разношеных валенках, заложив руки за спину, командующий с нескрываемым любопытством долго рассматривал пленного — огромного роста молодого фельдфебеля в неуклюжем ватном стёганом одеянии. Командующий нетерпеливо подбирал в уме нужные ему немецкие слова.

— Верно, что солдаты подписали Гитлеру присягу не сойти с места под Ржевом?

Пленный поспешно стянул с головы мешавший ему слышать ватный капюшон, вытянул вперёд шею, отчеканил гулко:

— Так точно.

— А ты приведи-ка текст присяги.

Видно было, что фельдфебеля успели уже допросить об этом в дивизии, не задумываясь, он начал:

— Я клянусь моему фюреру, что не сойду...

— Не тараторь,— оборвал его командующий и пояснил: — ты давай медленно, лянгзам.

— Я клянусь моему фюреру, что шагу не сойду с места и буду стоять насмерть на моём посту у Ржева,— старательно проскандировал пленный.

— Покладистый, — коротко рассмеялся Пётр Ильич.— Это они после Сталинграда увяли.

Всматриваясь фельдфебелю в лицо, командующий спросил с деланной наивностью:

— А зачем фюреру нужен Ржев?

Гитлеровец ответил тихо:

— Фюрер обратился по радио к солдатам у Ржева. Он сказал нам, если мы сдадим Ржев, мы откроем русским дорогу на Германию.

Хитро подмигнув присутствующим, отчего лицо его стало простым, веселым: — «Слыхали, каково им Ржев отдавать?», позабыв про гитлеровца, командующий, насвистывая, молодо зашагал по блиндажу.

* * *

Колючий ветер дует с той стороны, где мёртвая под снежным грузом река петляет и пропадает с глаз, сливаясь с белой равниной. Исчезают контуры реки, едва обозначенные торчащими из снега чёрными палками берегового кустарника. В той стороне Волга делает крутой

поворот и уходит на позиции русских войск, а здесь восточный берег реки изрыт — линия обороны немцев.

Ползи, капитан Дубяга, ползи, не отставай. Что это оба бойца разведроты обгоняют тебя? Смотри, они легли под проволоку, режут её. Ну и ловкие, ну и черти, это они для тебя открывают проход. Тихо, Жора, тихо. Замри. Фашисты накрыли нас миномётами... Сколько это длится тишина? Минуту или больше? Страшно поднять голову, выдать врагу своё присутствие. А ребята, оказывается, уже ползут дальше. Значит, обошлось.

Нижний ряд колючей проволоки перерезан. Дубяга ложится на спину, придерживает рукой в рукавице второй ряд над собой и, упираясь, что есть силы, пятками в снег, толчками проползает на спине под проволокой, переваливается на живот и опять ползёт в ложбине, которую в нетронутом рыхлом снеге прокладывает своим телом ползущий впереди разведчик.

Уже перед обоими разведчиками вырастает снежный вал, они притаились, выслеживая немецкого часового. Дубяга подползает к ним. «Курить хочется, мочи нет», — показывает ему жестом разведчик. «Отчаянные ребята, не забуду их...» «Вот он, твой фашист», — подтолкнули Дубягу. В тусклом свете утра проплыла над снежным валом каска, остановилась и поплыла назад.

Снять гитлеровца руки чешутся, — редкая удача так вплотную подойти. В двух шагах от «языка», а придётся возвращаться ни с чем. Приказ разведчикам: провести капитана к немецкой обороне и без шума вернуться назад.

Часовой от часового стоит далеко, — здесь самое разреженное место в немецкой обороне: впереди расстилается незамерзающее болото, и русского наступления на этом отрезке ждать не приходится.

Каска плывёт сюда. Остались секунды. Сердце гулко и часто стучит, беспокойно отдаёт в виске, то и дело набегают слюна во рту. Вот каска остановилась, постояла, помедлила и повернула назад. Разведчики быстро подсаживают Дубягу, он переваливается через снежный вал, сползает в снег, прыгает через траншею и распластывается в снегу. Он лежит долго, мучительно долго, силясь сообразить, в каком направлении движется сейчас гитлеровец. С трудом в разгорячённую голову приходит догадка, что часовому с его поста он не виден, и тогда он принимается ползти. Ползёт неистово, ожесточённо, прочь от передовой. Вокруг голо, никаких строений, земля изрыта траншеями, ходами сообщений. Он перебирается на четвереньках и снова ползёт...

Невозможно сообразить, далеко ли отполз он. Наверное, далеко. Лёжа в снегу, перекаtywаясь с бока на бок, он срывал с себя маскировочный халат, поспешно заталкивал его глубоко в снег. Встал — и пошёл пошатываясь.

Очень трудно было идти в рост. Он машинально считал шаги. раз, два, три...

— Хальт!

Резкий окрик разорвал тишину. Дубяга вздрогнул, замер.

— Руки вверх!

Наставив на него автомат, фашист, пятясь, выходил из засады. Медленно поползли вверх тяжёлые кулаки Дубяги.

Сейчас, когда время до наступления исчисляется уже не сутками, а часами, каждые новые дополнительные данные о противнике чрезвычайно важны.

Подполковник Ярунин допрашивает пленного лётчика. Он выбросился на парашюте из загоревшегося в воздушном бою самолёта, приземлился в тылу дивизии, и колхозницы, работавшие на ремонте дорог, притащили его в штаб.

Фашист исподлобья глядит на подполковника, голова его втянута в плечи.

Ярунин просматривает изъятые у пленного бумаги: документов у пленного нет,— их отнимают у лётного состава перед вылетом,— несколько оккупационных марок и неотправленное письмо.

В письме своей невесте, «мит Грус унд Кус фон вайтен Остен»¹, гитлеровец сообщал, что высылает последние фотоснимки.

В шинели, в сапогах с широкими голенищами, стоит он, сомкнув каблуки, носки врозь, и подписано: «Денке ан дих» — «Думаю о тебе».

А на другом снимке — на снегу, без шапки, в распахнутом ватнике стоит старик с осанистой тяжёлой бородой, затравленно и враждебно смотрят его глаза. Подписано: «Руссише Типе».

Отложив письмо и фотографии, Ярунин разглядывает пленного. Как ни печально развивались для него в последний час события, с лица фашиста не успела сойти наглость. Видно, до дальних аэродромов, где сытно кормят и щедро наделяют железными крестами, еще не докатилась волна тревоги, рождённая под Сталинградом.

---

¹ С приветом и поцелуем с далекого Востока.

Корысть погнала их на Восток,— жадная корысть грабителей, иступлённость убийц.

Тупое, сластолюбивое лицо бюргерского сына. Вот кто хотел управлять нами... Фашист под пристальным взглядом Ярунина опускает, прячет глаза.

* * *

Ночь перед наступлением, она вытравит равнодушные мысли, перевершит сокровенное.

Всплыла в памяти пограничная застава, где провёл он много лет на страже родных границ.

Если бы дожила до этих дней его жена Аня, верный товарищ, прошедший с ним вместе всю жизнь! Час возмездия над врагом уже свершился под Сталинградом, теперь пробьёт этот час у Ржева. Мучительно было сознавать, что он никогда больше не увидит Аню. Боль о родном человеке, который не разделит нашего торжества, острее в такую ночь.

Хлопнула дверь блиндажа.

— Входи,— очнувшись, проговорил Ярунин,— кто там?

Он с трудом взгляделся с яркого света в темноту, поспешно придавил окурок и встал.

— Пожалуйста.

— Не спишь?

Не снимая накинутую на плечи шубу, командующий машинально погрел пальцы у остывшей трубы.

— Так не спишь? — переспросил он без нужды.

— А вы? — Ярунин взглянул на часы, подошёл к нему,— осталось четыре часа.

Командующий положил Ярунину руку на плечо.

— Какое там спать,— тихо сказал он.— Звонил Главком. Только сейчас. Сказал: будем освобождать Ржев. Я ответил: товарищ Главнокомандующий, сегодня, третьего марта тысяча девятьсот сорок третьего года, гитлеровские захватчики будут выбиты из Ржева. К исходу дня доложу Вам о выполнении приказа. Он сказал: «Жду», и пожелал военного счастья.

У Ярунина просветлело лицо и густо выпали под глазами лучики. Командующий не заметил, как шуба сползла с плеч на пол, он сказал задумчиво:

— Понимаешь, брат, какая ответственность.

Ярунин вышел проводить его. Молоденький ясный месяц всплывал над макушками сосен; светало было в лесу; от недостроенных блиндажей пахло свежими стружками; невдалеке залегла передовая.

Вдруг, прорезая тишину, разнёсся по снежной равнине женский голос. Усиленный рупором, он призывал немецких солдат сдаваться в плен, от имени командования гарантировал пленным сохранение жизни.

— Инструктор политотдела дивизии выступает,— сказал командующий, повернув голову на звук голоса.

Ярунин улыбнулся, вспомнив эту девушку, ожидающую возвращения «Брата», приятно стало отчего-то на душе, а голос уже смолк, и снова была тишина.

— Тихо, удивительно тихо,— проговорил командарм, он задумчиво насупился, над бровями улеглось по бугру.

— Видишь, немцы сегодня огня не жалеют — освещаются. А сапёры наши уже поползли резать проволочное заграждение. Тяжёлое дело, а?

Прохрустел под ногами снег.

— Гнать их буду до самого Смоленска. — Командующий поднял и резко опустил кулак.

Крепко пожимая на прощанье руку Ярунину, он сказал ему:

— За Ржев спокоен. Знаю, что ты рассчитае-
ваешь справиться.

Он задержался, кутаясь в шубу, пристально смотрел в даль. Лицо его с крупными отчётливыми чертами было суровым и торжественным. Словно раздумав уходить, он опять зашагал с Яруниным.

Месяц стоял невысоко над лесом. Небо с яркими обильными звёздами было совсем близко. Замерли сосны, разлив перед собой большие чёрные лужи теней. Из трубы блиндажа шёл густой дым, тянуло гарью. Смёрзшийся снег с хрустом проваливался под ногами. Близко лаяла собака. Вдалеке тёмное небо садилось над лесом зеленоватой полосой с угасшими звёздами.

* * *

Дубяга почувствовал сильный толчок в спину дулом автомата. Он стал торопливо спускаться мимо часового у блиндажа по обледенелым, скользким ступеням вниз.

Гитлеровец отворил дверь и первый переступил через порог, — просторное помещение блиндажа было заставлено вдоль стены большими тюками. Пожилой оберлейтенант в очках едва приподнял голову, слушая доклад вошедшего, и,

не дослушав, принялся снова стучать на машинке. Тут же у стола, углубившись в бумаги, сидел второй гитлеровец в шинели внакидку и странной неформенной шапке с белым мехом.

У Дубяги громко и часто ухало сердце, в рту то и дело набегала горячая слюна. Спыхватившись, он поспешно снял с головы шапку, смял её в руках.

Перекинув на спину автомат, гитлеровец, захвативший Дубягу, принялся вторично его обыскивать. Негнувшиеся, замёрзшие пальцы его старательно ощупывали ватный пиджак Дубяги, теребили карманы брюк, добирались к телу, он извлёк из-за голенища валеного сапога Дубяги самодельный складной нож и положил его на стол — больше ничего подозрительного не найдено.

Гитлеровец в шапке с белым мехом, придерживая накиннутую шинель, согнулся над тюками. Это были большие мешки, из которых торчали одноцветные солдатские одеяла. Гитлеровец пересчитывал одеяла и выкрикивал цифры оберлейтенанту. «Отступить готовятся, сдают одеяла», — мелькнуло в голове Дубяги и погасло. Он механически следил за фашистами, от напряжения крепко сдавило шею ниже затылка. Дубяга сдерживал частое дыхание, в голове быстро сменялись обрывки мыслей. «Меринов Николай Степанович... высокого роста, чёрная бородка. Деревня Кокошкино... Староста... Как звать старосту?» — беспокойно сжимались пальцы.

Гитлеровец окончил подсчитывать одеяла, он выпрямился и оказался рядом с Дубягой, с лица его ещё не успела исчезнуть деловая озабоченность. Он внимательно глядел на Дубягу. По

мере того как он смотрел, лицо его искажалось злобой, он издал глухое восклицание, шагнул к Дубяге, широко расставив ноги, слегка присел и упёрся ладонями в колени.

— А-а, советский подснежник,— протянул он на ломаном русском языке, щека его запрыгала в нервном тике, он схватил Дубягу за лацкан ватного пиджака и с силой дернул его. Мелькнул выброшенный в сторону кулак. Удар оглушил Дубягу, отбросил его к стене. Он упал, сильно ударившись головой. Приподнявшись на локте, он снова увидел лицо фашиста. От бешенства помутилось в глазах у Дубяги. Он рванулся, чтобы сбить врага ударом ноги в живот, навалиться на него и душить, душить. Но тут же опомнился, с трудом, глотая кровь, ослабевшими пальцами нащупал в кармане пиджака скомканную тряпочку.

Фашист отошёл в сторону, а тот другой, оберлейтенант, вскинув на лоб очки, мелко трясся в смешке.

Дубяга снова вошёл в роль деревенского парня, он протягивал извлечённый из тряпки, свёрнутый в тонкую трубочку документ, и, сидя на полу, невнятно твердил:

— За что бьёте? За что?

Резко прозвонил телефон. Передвинув очки со лба на переносицу, оберлейтенант взялся за трубку. Разговор был короткий. Гитлеровец крикнул, появились солдаты, они бегом принялись вытаскивать из блиндажа тюки. На Дубягу никто не обращал больше внимания. «Опаздываю»,— мучительно пронеслось у него в голове. Чувство страха за себя исчезло, он думал только об одном: Меринов не может ждать, он должен

уйти из Ржева вместе с работниками управы, чтобы не выдать себя, и Дубяга не успеет получить от него план минирования города.

Дубяга шагнул к столу.

— Отпустите,— принялся молить он оберлейтенанта,— в городскую управу иду, к брату, служит он там. Велел притти, эвакуироваться вместе будем.

Оберлейтенант не слушал его.

Когда последний тюк был вынесен, солдаты и оберлейтенант ушли, блиндаж опустел. Фашист в шапке с белым мехом вложил чистый лист в машинку и принялся допрашивать Дубягу.

Дубяга с готовностью отвечал, как вышел сегодня до рассвета из своей деревни Кокошкино и спешил в Ржев в городскую управу. Гитлеровец угрюмо слушал его, потом резко встал — подскочила со звоном на столе машинка.

— К русским бежать собрался, собака! — крикнул он.— У самой передовой поймали!

Он ударил Дубягу кулаком в грудь. Дубяга пошатнулся, но устоял на месте. Фашист не дал ему говорить.

— Какие сведения несёшь русским? — выкрикнул он в лицо Дубяге и снова ударил его. Он бил его мрачно, ожесточённо, один на один в блиндаже.— Скажешь,— приговаривал он,— всё скажешь.

Дубяге отчаянных усилий стоило сдержаться, чтобы не броситься на фашиста,— не погубить дело. Он пытался говорить, но голос осел, пропал. Он разжал кулак, протянул свёрнутую бумажку, с хрипом, невнятно выговорил:

— Вот документ от ортскоменданта. В город-

скую управу иду.— Фашист отошёл, сказал равнодушно:

— Врёшь. Скажешь всё или пристрелю как собаку.

* * *

Ветрено и пустынно на улицах. Тёмные дома кажутся нежилыми, они притаились мрачно и настороженно. Быстро гонит ветер разорванные облака над домами, откуда-то с крыш ползут густые сумерки.

Маленькая фигурка неожиданно отделилась от стены, подалась навстречу. Голая, протянутая вперёд рука, чуть вмятое: «Дядя, дай!»

Застучали по мостовой шаги вражьего патруля. Кто-то шарахнулся в подворотню. Две женщины, не разгибаясь над санками, провезли в вёдрах воду из проруби. Выстрел донёсся с соседней улицы, чей-то вскрик... Город в неволе...

За поворотом над крышами занялось зарево. Это тылы немецкой армии, ещё не принявшей сражения за Ржев, уже откатываются на запад и жгут деревни.

Каждый шаг причинял боль во всём теле, напоминал Дубяге о случившемся. Гитлеровский солдат ведёт его в управу, — так распорядился оберлейтенант, когда избитому Дубяге уже казалось: всё кончено — он попал в руки к фашистам и не выполнил задание. Солдату, очевидно, приказано проверить на месте, к кому Дубяга идёт.

У немца морщинистое, посиневшее лицо, он тербит за рукав Дубягу, торопит итти поживее. Гитлеровец мёрзнет в своей куцой пилотке и сапогах.

На пустынном перекрёстке остановилась сгорбленная старая женщина с вязанкой сучьев на спине и перекрестилась с чувством. Впереди на покосившихся телеграфных столбах висели двое.

По мере того как Дубяга приближался к повешенным, сердце его холодело от ужаса. Раскачивалось на ветру мёртвое тело Хасымкули.

Дубяга опустил голову и, преодолевая боль в теле, быстрее зашагал вдоль улицы.

Серыми хлопьями повалил снег, он мешал идти, залеплял глаза. Наконец, гитлеровец дёрнул Дубягу за рукав — пришли, вот она управа.

Первый этаж... По захламленному коридору налево. Двери комнат, выходящих в коридор, распахнуты настежь. Обрывки бумаги, грязь, следы выволоченных вещей, поспешного бегства. Видно, никого уже здесь нет. Вот четвёртая дверь налево, она притворена. Покосившаяся дощечка на двери, но прочесть не удаётся издали.

Гитлеровец толкнул дверь. С порога Дубяга через плечо гитлеровца увидел спавшего на составленных стульях человека. Это Меринов ждёт его. Дубяга отстранил гитлеровца и, прежде чем человек на стульях успел подняться, он, шагнув к нему, громко окликнул: «Николай Степанович!»

Тот вскочил на ноги, казалось, он не спал, только ждал оклика. Шапка осталась на стульях. Не пригладил всклокоченные волосы, тревожно подался вперёд. Приземистый, лицо густо заросло чёрной бородой, рука засунута в карман тулупа, словно нащупывает оружие, тяжело перевёл взгляд с Дубяги на гитлеровца. «Николай!» — застряло на губах Дубяги. Ведь учил наизусть приметы: высокого роста, чёрная

бородка, а вот встретился лицом к лицу, и всё смешалось.

— Меринова? — туго выговорил тот, и не глядя больше на Дубягу, твердо ступая, пошёл к двери. — Велел позвать, если спросят.

Мучительно тянулись минуты. Гитлеровец притоптывал, бил в ладоши, обогреваясь. Сумрак быстро обволакивал предметы в комнате — письменный стол с отодранной клеёнкой, шкаф, стулья.

В дверях бесшумно встал Меринов. Это был он, Дубяге не надо было справляться в заученных приметах. Внимательные, спокойные глаза, острый клинушек чёрной бородки. Одет в чёрное поношенное пальто с меховым воротником, на голове — меховая шапка, мешок повис на плече.

— Николай! — звонко вырвалось у Дубяги.

Поддавив замешательство, — не ловушка ли, — Меринов какое-то мгновение стремительно доискивался, почему здесь гитлеровец, устало снимал он мешок с плеча, весь ушёл в это, выгадывая время, низко согнувшись, спустил мешок на пол у ног Дубяги.

Дубяга, волнуясь, проговорил условное:

— Бабушка умерла от тифа.

Меринов спокойно поднял голову, тут только он заметил подтёки, ссадины на лице Дубяги. Выдержал ли? Он сказал неопределённо:

— Из управы уже все ушли. И я уйду сейчас.

Дубяга вспыхнул от догадки, что Меринов не доверяет ему — не произносит пароля. Он растерянно подыскивал, что сказать Меринову.

Гитлеровец, спешивший вернуться до темноты,

К стр. 98

пска не опасно ходить по городу, нетерпеливо спросил Меринова:

— Ваш?

Поняв, в чём дело, или идя на риск, Меринов ответил по-немецки:

— Мой, конечно, мой. Спасибо, что проводили. Проверить никогда не лишнее.

Неясно было, что предпримет сейчас гитлеровец: уйдёт один или попытается увести Дубягу.

Поблизости ударил залп немецких зениток, и снова всё смолкло. Вздогнуло треснутое оконное стекло, тоненький звон повис в комнате.

Гитлеровец попросил закурить. Меринов облегчённо распахнул полы пальто, хлопнул ладонями по карманам брюк, вынул кисет и отсыпал гитлеровцу в горсткой сложенные руки крупно помятый самосад.

— Бери мешок,— грубо сказал он Дубяге,— поспешим. До Нелидова пешком придётся, а там на поезде.

Он проводил взглядом гитлеровца до двери: шинель коротка ему, вздёрнута сзади; в ладонях пронёс табак, за дверью в коридоре будет бережно ссыпать его в карман.

— Фигура,— усмехнулся нехорошо Меринов.

— Бабушка умерла от тифа...— начал Дубяга снова.

— Я знаю об этом уже два дня,— ответил условным Меринов и, оглянувшись на дверь, протянул Дубяге руку,— ну, здравствуй. Отпустили тебя фашисты. Месяц назад этого бы не случилось. Гитлеровцы заигрывают сейчас с нами. Ответственный работник управы,— показал он на себя. Он снова усмехнулся, узкая губа чуть приподнялась над крупными зубами.

— План,— тихо проговорил Дубяга.

Меринов стоял спиной к нему, шарил в опустевшем шкафу коптилку, быстро прошёл к окну, прикрыл окно старым, висевшим на гвозде мешком. Стало совсем темно. Чиркнула и не выбила огня зажигалка, снова чиркнула. Меринов разжёг коптилку, поставил её на стол, раздвинул составленные стулья. Шапка, позабытая спавшим здесь человеком, сползла на пол.

Меринов поманил Дубягу к столу. Они сидели друг возле друга.

— Подполковник Ярунин поручил мне получить у вас план минирования города.

В этой комнате, где пламя разгоревшейся коптилки выхватило огромную чёрную свастику, намалёванную на немецком мешке, распластанном на окне, обшарпанные стены, мрачную убогость служебного оккупационного помещения, слова Дубяги прозвучали торжественно.

Замкнутое лицо у Меринова, нездоровая кожа, серая, в буграх. Он внимательно изучал Дубягу. Под чужой крестьянской одеждой разглядел всенную выправку. Лицо Дубяги, молодое, открытое, полный решимости и мужества взгляд кое-что сказали опытному глазу. Этот погибнет, но не выдаст. И улыбнувшись своим мыслям, отчего просветлело лицо его и спала отчуждённость, он мягко положил руку на колено Дубяги.

— Плана нет,— тихо ответил он, и лицо его снова устало померкло. Он достал из кармана квадратный листок бумаги, положил перед Дубягой карандаш, приказал — записывай.

Дубяга встрепнулся, привстал. Как нет плана? Промелькнуло с надеждой: Меринов, может быть, всё ещё не доверяет ему. Суетливо

стянул он с головы шапку, в горсть захватил подкладку, с силой рванул её, расковырял вату, достал что-то и протянул Меринову. Меринов быстро взял у него с ладони обломок от кости домино, зажал его в руке, из-под ремня брюк извлёк второй обломок.

— Вот,— сказал он, показывая Дубяге совпавшие половинки дубля два,— это мы с подполковником Яруниным при прощании разломали.

Он прошёл к двери, задев ногой свой мешок, брошенный на полу, осветил карманным фонариком коридор, плотно прикрыл дверь.

— Плана нет,— сказал он.— Удалось установить, что план находится в штабе диверсионной группы на Речной. Надо добыть его оттуда.

— Это предстоит сделать мне. Приказ подполковника: тебе уходить на запад, оставаться на своём посту, в управе.

— Записывай быстрее. Речная улица,— повторил Меринов и объяснил,— здесь располагается штаб диверсантов. Пиши мелко.

Шли адреса, приметы, имена диверсантов. Когда перечень лиц был закончен, Меринов, скрутив листок, вложил его в маленькую целлюлоидную трубочку.

— В случае опасности спрячешь во рту,— объяснил он Дубяге. Он вышел на улицу осмотреться, спокойно ли.

Ещё не смолкли его шаги по коридору, как через порог осторожно перевалился спавший здесь прежде человек. Широко для устойчивости расставляя ноги, он направился к Дубяге, нащупав рукой стул, рыхло шлёпнулся на него.

— Уходишь? — спросил он, приблизив лицо к Дубяге и обдав его самогонным перегаром. — А? Уходишь? — повторил он, повысив голос.

— А ты что же? — спросил Дубяга. — Чего остаёшься?

— Нельзя, — протянул он. Дрожащее пламя коптилки ходило по его лицу, зажигало мутные, неестественно близко посаженные глаза.

Погрозив пальцем перед носом Дубяги, он, взглядываясь в него снизу вверх, протянул:

— Не-льзя. Все бегут. Убегают, а? Машины немецкие. Повозки. Если в дугу запряжены — это русские, а в дышло — так то немцы, немцы же, — быстро, бессвязно заговорил он, раскачиваясь на стуле. — Видно, русские придут. Придут сюда, а?

«Не скули, сволочь», — хотелось Дубяге обрвать его.

Вошёл Меринов.

— Пошли, — распорядился он и поднял с пола мешок. — Прощай, — не оборачиваясь, кинул он оставшемуся здесь человеку.

— За этим последи, очень подозрителен, — в коридоре сказал он тихо Дубяге. — Он всего несколько дней в управе. Я думал сначала, не ко мне ли приставлен. Нет, видно, что-то другое.

Они вышли на улицу. Подморозило. На светлом небе проступили бледные звёзды. Близко прошлёпал патруль в соломенных галошах. На немецком переднем крае уже вспыхивали ракеты. Город притаился.

Молча обогнули Меринов и Дубяга дом управы, вошли во двор. Навстречу легла длинная тень от сарая. Тихо во дворе. Спустились в подвал. Меринов протянул Дубяге карманный

фонарик: — Оружие найдёшь в углу справа в ящике, накрытом рогожей.

Нащупывая замочную скважину, он тихо объяснил: — Снаружи запру тебя, никто пока сюда не сунется. Когда выходить будешь, высадишь окошко.

Дубяга стоял уже одной ногой за порогом в непроглядной темноте холодного подвала. Меринов говорил на прощанье:

— Передашь подполковнику: вся управа эвакуировалась в Земцы, завтра буду там. — И, крепко пожимая Дубяге руку, договорил: — Передай, что здоров. Условное имя оставляю прежнее — «Брат».

Дверь затворилась. Тяжело подался назад заков, звякнул ключ в замке. Прислонившись к двери, Дубяга ещё слышал, как поднялся наверх по ступеням Меринов. Потом всё стихло.

Он опустился тут же, где стоял, кажется, на ящик; сразу боль во всем теле сморила его. Хотелось пить, отёкшим языком облизал сухие губы. Вспомнился Хасымкули и тот другой, незнакомый, замёрзшие, мёртвые тела их. Отогнал мучительные видения.

Машинально нащупал в кармане несколько уцелевших сухарей, фонарик, спохватился, вытащил и включил его, — слабый свет осветил ящики, громоздившиеся один на другой. Дубяга попробовал сдвинуть их, и они легко поддались, давая ему пройти. В правом углу, в ящике под рогожей он нашел четыре пистолета разных систем, запасные обоймы к ним и четыре русские гранаты. Он жадно рассовал их по карманам своего ватного пиджака. Сел в углу, погасил фонарик, сидел, сжимая в кармане рукоять писто-

лета, обдумывал предстоящие действия. Он принял эстафету от «Брата» и был полон чувством своей ответственности, он должен завладеть планом минирования города, достать его из штаба диверсантов. В отяжелевшей голове еще не было ясных решений. Завтра в условленном месте он встретится с Белоуховым и Бутиным.

Становилось холодно. Впервые Дубяга сформулировал: он находится в доме, где люди предавали родину.

С родственной нежностью подумал о «Брате», вдруг понял, что навсегда запомнит его, такого, каким стоял тот минуту назад по ту сторону порога, слабо освещённый бледным вечерним светом, с мешком на плече. Усталое, молодое, одухотворённое лицо с тёмной бородкой клинышком. Силился вспомнить, когда он видел такую же вот бородку, у кого. В сонной голове лицо Меринова слилось с тем другим лицом, всплыли в памяти слова: «Рыцарь. Рыцарь революции...»

Маленький голодный мальчишка тянул к нему посиневшую ручёнку: «Дядя, дай». Холод подобрался к телу.

Откуда-то донеслось немецкое радио: «Немецкие солдаты у Ржева. В эти тяжёлые часы фатерлянд с вами в снегах далекой России. Вы не сдадите врагу завоёванный немецкой кровью город...»

* * *

Уже гремела артподготовка, а сумерки еще плотно стояли над землёй.

Подполковник Ярунин быстро приближался к группе командиров. Сдвинутая на затылок серая шапка-ушанка открыла помолодевшее лицо.

Пора было выступать. Командиры ушли к опушке леса, каждый из них возглавлял небольшой отряд, каждый имел свой маршрут и свою боевую задачу в Ржеве. Разрозненные действия их сводились к одному — захватить немецкое подполье, пресечь вражескую диверсионную группу и предотвратить взрывы в городе, разминировать Ржев.

Ординарец подполковника подвёл запряжённую в сани лошадь. Ярунин уселся, ординарец тронул лошадь, и она легко вынесла сани из лесу.

Посыпал снег. Ветер задувал то слева направо, то справа налево. Ординарец сидел на передке, вобрав голову в воротник полушубка. Лошадь чуяла кнут за спиной, бежала дробно, весело, не сбавляя шаг. В утренних сумерках предметы впереди были неотчётливы, казалось, перебегали дорогу и падали на колени шесты полевой связи.

Перед въездом на большак ординарец в нерешительности остановил лошадь: дорогу пристреляли гитлеровцы, шипящие осколки мин зарывались в снег совсем рядом. Подполковник тщетно пытался зажечь спичку, с досадой смял нераскуренную папиросу, далеко забросил её и взял у ординарца вожжи. Враг стрелял с равномерными передышками. Подполковник выждал, когда поблизости разорвалась мина, и сильно стегнул лошадь. Она рванулась вперёд, едва не выбросив их из саней, вылетела на большак, пересекла его, отважно ринулась в глубокий снег и увязла. Дальше подполковник пробирался пешком, проваливаясь в снег, отставший ординарец тянул за собой лошадь.

С рёвом прошли над головой штурмовики, они шли совсем низко — смолкла артиллерия, уступая штурмовикам поле боя.

На НП дивизии начальник штаба подполковник Родионов ждал первых донесений. Молча пожал он руку Ярунину и снова взялся за телефон; он беспрерывно крутил ручку аппарата, кому-то докладывал, требовал от кого-то, спрашивал, кому-то грозил. Звучный голос его наполнял блиндаж. Когда, наконец, распахнулась дверь и появился запорошенный снегом, неуклюжий в своём маскировочном халате связной от командира полка, Родионов встал ему навстречу и порывисто потянулся за донесением. Боец вынул спрятанную на груди сложенную вчетверо бумажку и подал подполковнику.

Присев к столу, к лампе, Родионов углубился в чтение, а на пороге один за другим появлялись новые связные.

«Ведём бой за овладение вокзалом. Трофеи — 1000 вагонов».

«Подразделения Вовченки ведут бой в направлении Цветочной улицы. Заминированы дороги. В южной части города и окрестных деревнях — сыпной тиф. Трофеи — 30 танков».

«Население согнано в церковь, церковь заколочена, вокруг заминировано. Разминировали. Освободили. Штаб полка разместился Калининская улица, 128».

Ещё одно донесение, Ярунин несколько раз перечитал его:

«Бежавшие из фашистского лагеря заключённые сообщают: в районе Нелидово партизаны напали на охрану лагеря, этапирующую заключённых в фашистский тыл, и освободили людей.

Поступают данные: партизаны преследуют отступающие части противника. Ст. инструктор ПО дивизии».

Вышедший вперёд из-за спины связного боец разведки доложил Ярунину:

— Товарищ подполковник, отряд прибыл.

Блиндаж Родионова был укрыт в холме. Впереди виднелся город. Прямо перед глазами высилась уцелевшая водонапорная башня. В городе шёл бой, слышны были автоматные очереди, взрывы гранат, пулемётный рокот.

Подполковник Ярунин осматривал свой небольшой отряд. Как всегда в минуты предельной собранности, лицо его было суховато, отрешено от всего, что не относилось к его боевой задаче, но в голосе его, в скупых жестах чувствовался большой внутренний подъём.

Шеренгу по два замыкал Подречный, он озабоченно глянул на подполковника и передал ему белый маскировочный халат. Солдатская ушанка туго завязана под подбородком, от этого красные на морозе щёки Подречного смялись и в лице появилось что-то трогательное, бабье.

Подполковник Ярунин, отдавая приказ выступить, приподнял руку. На минуту стало совсем тихо: то ли в городе смолкла почему-то стрельба, то ли просто налетела тишина, которая перед боем овладевает душой солдата. За спиной хрустнула ветка и упала в снег. Отряд вышел в направлении Ржева.

* * *

Лавина артиллерийского огня обрушилась на немецкие позиции, оповестила о начале наступления. Страшен был этот удар...

Дубяга впервые слышал нашу артподготовку, находясь по ту сторону фронта. Гордое чувство разлилось в душе, согрело окоченевшее тело. Исчезло ощущение голода.

Не растаявшая еще ночная темь очень затрудняла наблюдение за объектом.

Вот он, двухэтажный серый дом на Речной улице, сюда сошлись нити фашистской диверсионной группы. Сутки назад Дубяга встретился в условленном месте с Белоуховым и Бутиным, и с тех пор он скрывается в пустом деревянном сарае у самого дома. С улицы следит Бутин.

Фашисты еще хозяйничают в городе, а диверсионная группа уже взята на прицел.

Со своего поста в сарае Дубяге был виден сквозь растворенные ворота отрезок мостовой. Уже накануне город обезлюдел: жители притаились, попрятались в подвалы, спасаясь от фашистов; движение немецких машин заметно усилилось, спешно подбрасывались к передовой маршевые роты, артиллерия, танки. А сейчас, когда от взрыва снарядов гудела земля, всё замерло вдруг, оцепенело. Это продолжалось недолго; где-то рядом с грохотом забили тяжёлые орудия гитлеровцев.

Из двухэтажного серого дома несколько человек высыпало во двор, Дубяга сосчитал — их четверо. Лица разглядеть не давала темнота; люди снова скрылись в доме.

Теперь под музыку боя минуты шли быстрее. На улице, за воротами показалась группа раненых гитлеровцев, их обгоняли обозные сани. Огромные грузовые машины наезжали на сани, образуя затор.

Огонь нашей артиллерии стал слабее, но снаряды рвались уже заметно ближе. Со скрежетом и свистом разрезали воздух эскадрильи штурмовиков. «Чёрная смерть», — прозвали их гитлеровцы. Отбомбились неподалеку, подавили тяжёлую артиллерию врага.

По долетавшим в сарай звукам наступления Дубяга старался представить себе обстановку. Ясно одно — бой приближался сюда. Фашисты откатывались на запасные позиции.

На крыльце появились двое: один в немецкой форме, другой в чёрном пальто, быстро спустились по ступеням, прошли двор и исчезли за воротами. Там Бутин проследит за ними.

Когда-то на допросе шофёр, уличённый в шпионаже, признался, что получил задание явиться на Речную улицу. Теперь разгадка «Речной улицы» перед глазами Дубяги.

Фашисты будут выбиты из Ржева, а здесь, в этом доме останется штаб диверсионной группы. Но прежде чем расползутся отсюда диверсанты с заданием, нужно добыть план минирования Ржева. План должен быть здесь, так сказал «Брат».

Белоухов, посланный Дубягой навстречу нашим передовым частям, еще нескоро приведёт сюда бойцов. Ждать подмоги неоткуда, и нельзя дольше медлить, пора действовать.

Снова хлопнула дверь, кто-то вышел со двора. Приземистый человек в тулупе. Дубяга не видел его еще ни разу здесь, должно быть, он входил в дом с улицы, где дежурит Бутин.

Человек приближался к сараю, и Дубяга от неожиданности на мгновение отпрянул от щели. Он узнал его; это был тот самый человек, кото-

рого он видел в управе у Меринова. Ещё секунда, и тот уже в воротах.

Дубяга приоткрыл дверь сарая, выскользнул во двор, и в два прыжка оказался у ворот.

— Обожди! — глухо, безголосо окликнул он человека в тулупе. — Эй, обожди!

Тот оглянулся, задержался, не соображая, в чём дело. Дубяга быстро подошёл к нему.

— Дело у меня. Срочное дело, — сказал он, показав рукой на серый дом.

Приземистый человек из-под низко надвинутой шапки хмуро глядел на Дубягу. С посиневших губ Дубяги чуть внятно слетали слова, заглушаемые шумом сбившихся в пробке машин, криками гитлеровцев.

— Не узнаёшь? — Дубяга наседал на него, взяв за рукав. Тот продолжал смотреть на него снизу вверх. Тревожно забил неподалеку немецкий пулемёт. В маленьких глазках приземистого человека мелькнул испуг.

— Позавчера в управе у Меринова, — напомнил Дубяга.

— Ты же ушёл? — ошалело спросил он.

— Вернулся. Срочное дело. — Дубяга снова показал рукой на дом. Он соображал: с этим «проводником» они не будут плутать по лестнице, разыскивая нужное помещение. Они войдут вместе с ним, фашисты не сразу поймут, в чём дело, и Дубяга выиграет несколько секунд.

Он свистнул условным для Бутина сигналом. Человек в тулупе вздрогнул. Два раненых гитлеровца на санной повозке обернулись на его свист. И только. Кому сейчас до него дело.

— Веди, — напористо распорядился Дубяга.

И тот, подчиняясь, повёл, не соображая, что

происходит. Они повернули назад, быстро миновали двор, их догнал незаметно Бутин.

Спустились вниз в подвальный этаж. Вздошность в душе Дубяги сменилась холодным бесстрашием. Он подсчитывал в уме: три пистолета, три гранаты у них с Бутиным.

— Ты спасаешь план, я буду прикрывать, — отрывисто объявил он Бутину задачу.

— Вы? — одними глазами взволнованно переспросил Бутин.

— Выполнять! — беззвучно оборвал его Дубяга.

— Здесь, — сказал человек в тулупе, подводя их к двери. Сам он сделал попытку уйти, но Дубяга приоткрыл дверь и подтолкнул его через порог.

В комнате ярко горела керосиновая лампа. Трое мужчин, одетых по-разному, но без признаков немецкой формы, упаковывались, возились в комнате. Высокий, сухощавый, с длинным лицом, закричал, увидя человека в тулупе:

— Ты еще здесь?

Дубяга шагнул вперед, тихо и жестко сказал по-немецки:

— Руки вверх!

— Руки вверх! — повторил он громче по-русски, сообразив, что диверсанты поймут его.

Кто-то из фашистов вскрикнул от неожиданности, кто-то вскочил на ноги и снова сел с поднятыми вверх руками перед двумя парнями в крестьянских ватных пиджаках. Человек в тулупе, приведший сюда Дубягу, осел к стене.

— Встать! — приказал Дубяга.

Он действовал цепко, безошибочно, с предельной ясностью, которая приходит, когда оши-

К стр. 112

биться нельзя. Дубяга шагнул к столу, а Бутин вышел на его место. Дубяга быстро разглядел на столе листы бумаги, исчерченные схемами, должно быть, это и есть план, который изучали диверсанты, прежде чем отправиться из штаба — приводить системы мин в действие.

Наставив пистолет в упор на стоящего впереди молодого фашиста с оторопело расширенными глазами, Дубяга крикнул: — План минирования? Отвечай! — Тот испуганно кивнул головой.

Дубяга нагнулся над столом, поспешно разбирал бумаги. Вот сводный план минирования, а это — схемы минирования отдельных районов города. Он рванул листы. В ту же секунду взметнулось перед глазами что-то. Бах! Темнота и звон разбитого стекла полетевшей со стола лампы. Дубяга сорвал одеяло, закрывавшее узкое окошечко. Раздался выстрел, другой, третий... Бутин схватился за руку. Здоровой рукой он успел выхватить у Дубяги бумаги, вышиб ногой дверь.

«Добежит ли?» — мелькнуло у Дубяги. Он загородил дверь, чтобы не допустить преследования Бутина, и отстреливался, ничего не различая перед собой.

Обожгло ногу, — он ухватился за косяк двери левой рукой. Нет, этот свой боевой пост у дверей он никому не мог передоверить, даже Бутину.

И вдруг на мгновение, словно вспыхнуло что-то перед глазами, и не болью, а током пронзило живот. Он пошатнулся, удержался о косяк двери. «План, план... — тихо простучало в голове, — план... в наших руках...» Еще в пальцах хватило силы выхватить из кармана гранату, дёрнуть

кольцо и швырнуть гранату недалеко в эти ненавистные расплывшиеся фигуры...

Когда пришёл Белоухов с красноармейцами, за которыми посылал его Дубяга, всё уже было кончено. Они вынесли Дубягу на снег, сняв шапки, постояли молча.

Штаб диверсантов разгромлен гранатой Дубяги. Но кое-кто из диверсантов успел уйти отсюда раньше, и Белоухову с красноармейцами надо было спешить, чтобы задержать их.

Взвился алый флаг на водонапорной башне!

Над головой Дубяги, над застывшими глазами его — зарево, музыка, бой, освобождение Ржева.

Родная земля, прими своего сына.

С лязгом промчался отставший танк, донеслась боевая песня. Гитлеровцы откатывались на западную окраину. Пошёл снег, мартовский, крупный и влажный...

Подполковник Ярунин стоял на коленях на снегу перед Дубягой, мокрый снег падал на его обнажённую голову. Подречный снял с себя шинель, накрыл ею Дубягу по шею, — скрылась чужая, непривычная гражданская одежда на Дубяге. Кто-то из разведчиков не выдержал, вскрикнул вслух. Автоматная очередь прорезала тишину улицы, завязалась перестрелка бойцов с засевшими кое-где в домах гитлеровскими автоматчиками.

Ярунин крепко обхватил Дубягу за шею, за плечи, поцеловал его в лоб, в щёки, мокрые от снега. Один за другим разведчики прощались с Дубягой.

Ярунин отдал приказание проверить подвалы,

чердаки этого серого двухэтажного дома, не спрятался ли кто из диверсантов.

Разведчики направились выполнять приказание. Подречный, в одной ватной телогрейке, нагнал их, остановил шедшего впереди бойца. — Разрешите, — Подречный отстранил его. В лице его незнакомая до сих пор решимость. Он сжал сильнее в руке винтовку и первый перешагнул в темноту полуразрушенного мрачного дома.

* * *

Выбрасывая из-под гусениц комья снега, танки быстро проходят по улицам Ржева, на танках тесно плечо к плечу сидят бойцы, крепко зажав в руках автоматы. Под тяжёлыми касками свои родные русские лица, потемневшие в бою. Жители города вышли из подвалов, мальчишки облепили ворота, покосившиеся фонарные столбы, обгоревшие деревья. Над рёвом моторов, над гусеничным скрежетом повис женский плач. Кто-то плачет навзрыд, в голос. Это вырвавшийся на волю вдовий крик о долгожданном счастье, о горе, которое острее в такой час.

Старушка пробралась вперёд на мостовую, — за плечами у неё котомка, зябко спрятаны руки в рукава пальто, — задрав голову, провожает танки, уходящие в новый бой. Кто-то тронул её за плечо.

— С освобождением Ржева, бабушка!

Она обернулась. Незнакомый парень в долгополом пальто стоял возле неё.

— Поди-ка, бабушка, — позвал он её.

Старуха не тронулась с места, насторожилась, подслеповато прикрыла веками глаза.

— От Петра Семёновича идёшь? — тихо, одними губами спросил парень.

Старуха открыла глаза.

— Вспомнил, Никитичной тебя звать, — он тронул лацканы своего пальто, — не узнаёшь меня в этой одежде? Белоухов моя фамилия.

Старуха недоверчиво ещё раз оглядела его, сказала упрямо:

— Мне другого надо, курчавого.

Белоухов помрачнел.

— Его нет больше, бабушка. Убит Дубяга.

— Убит?

— Идем, — решительно потянул её Белоухов.

Они вошли во двор длинного двухэтажного дома.

— Тебе повезло, бабушка, что я нашёл тебя, — говорил Белоухов, — ты бы намаялась, пока отыскала нас.

На входной двери рукой Белоухова было выведено мелом: «Занят». Подполковник поручил Белоухову занять дом для разведки. Водя Никитичну по комнатам, заставленным разномастной дорогой мебелью, где на постелях валялись в беспорядке шёлковые стёганные одеяла, а на полу, на стульях были разбросаны платья, кружево, бельё, Белоухов объяснял ей:

— Здесь городской голова жил. Два дня назад бежал из города. Всё равно поймает гада.

Он пнул ногой корзину с барахлом.

— Всё наворовано. Натаскал из чужих квартир мебель, тряпки.

Снимая с плеч котомку, Никитична сказала, предупреждая расспросы Белоухова:

— Подполковника дождусь, ему передам, что нужно.

Белоухов дружелюбно усмехнулся:

— Раз так, я пошёл.

— Вот накормить мне тебя, жаль, пока нечем, — сказал он ей с порога, — отдыхай.

Тупоносые тягачи медленно волокли по мостовой тяжёлые пушки. Через улицу пронесли на носилках раненого. На перекрёстке толпился народ, — здесь дымила походная кухня пехоты: повар в белых нарукавниках разливал горячий суп жителям города в кострюли, банки, бидоны. Приближались звуки духового оркестра — это полки второго эшелона вступили в город.

Переодетый в штатское, затерявшись в толпе, Белоухов испытывал гордое чувство своего участия к большому событию. Вот мы и в Ржеве... Здесь родился Белоухов, провёл детство. В боях за этот город погиб Дубяга, взяв на себя самую тяжёлую часть их общей задачи. Ранен Бутин, верный товарищ...

Пошёл сильный снег, было холодно, но никто не замечал этого. Вокруг становилось всё праздничней, оживлённей. Как старым друзьям, от которых, казалось, долго был отрезан. Алексей Белоухов радовался накрытым брезентом тяжёлым машинам с боеприпасами; девчатам из полевой пекарни, сидящим высоко на мешках; корреспондентам армейской газеты. Из-за угла выехала большая красная машина и стала на перекрёстке, дожидаясь, когда регулировщик пропустит её. Белоухов издали узнал старую красную машину ржевской городской пожарной команды. Это из-за неё было много спора с брандмайором. Упрямый старик отказывался перекрасить машину, хотя её легко было обнаружить с воздуха, — он хотел въехать в Ржев по всей форме. Вот он вы-

шел из кабины, крепкий, подвижный, заспешил к регулировщику, уговаривает поскорей пропустить его, грозит, показывает рукой на запад, где на окраине города еще пылает огонь.

Показалось несколько человек в полувоенной одежде со знаменем впереди. Они шли строгим строем, хотя кое-кто из них прихрамывал. Это были «городские учреждения», как называла их Тоня. Их было всего несколько человек, это те, кто не мог больше сражаться, остальные в партизанском отряде преследуют отходящие немецкие части по ту сторону Ржева.

У Белоухова учащённо забилося сердце. Где-то здесь должна быть и Тоня. Он вышел на мостовую навстречу приближающимся людям. Вот и Тоня, она прошла мимо, не узнав его в гражданской одежде.

Он шёл по тротуару, провожая их. Белоухову хотелось окликнуть Тоню, рассказать ей о Дубяге, но он не решился. Он видел её лицо, счастливое, разгорячённое, белый платок сбился на затылок. Она вернулась в свой Ржев, где родилась и выросла, где девочкой затевала игры на улице и убегала на Волгу, где училась и жила своей семьёй. Теперь она снова пойдёт работать в школу. Белоухов радовался за неё — конец её мытарствам, но в то же время грустно становилось у него на душе: он никогда больше не увидит Тоню, она останется здесь, а его путь дальше — на запад.

Над городом реют красные флаги. Войска теснят противника. Подтягиваются вторые эшелоны и с хода вступают в бой. На понтонной переправе через Волгу тянут артиллерию вперёд на

запад, отстреливаются зенитки, спешно наводят вторую переправу.

Город возрождается к жизни. Уже открылась первая пекарня, первая столовая; жители вышли на субботник: восстанавливать водопровод и электростанцию. Свет! Воду и свет городу, погружённому долгие месяцы во мрак.

Бойцы Ярунина тем временем делают своё дело. Подполковник Ярунин руководит работой по откапыванию мин. В его распоряжении фашистский план минирования Ржева, добытый разведчиками, и данные, собранные подпольной группой лагеря, выполнившей задание, переданное ей Хасымкули.

Сапёры шарят миноискателями, но безуспешно — мины вложены в специальные деревянные ящики, и миноискатель не обнаруживает их. Сапёры и разведчики копают заступами, ломami мёрзлую землю в поисках мин.

Небо прояснилось, диск солнца повис над городом, пригрел снег. Под снегом, под слоем земли, в промёрзшем песке — небольшой деревянный ящик, в нём дремлет мина. Сапёр присел над ней, открыл ящик, подышал на застывшие пальцы и обезвредил мину.

Подполковник Ярунин вынул записную книжку и записал: «10 ч. 40 м., четвертое марта — обезврежена первая мина».

— Начнём! — сказал он сапёрам.

И по всему городу, по пунктирам плана, смертельно опутавшим Ржев, растеклись сапёры и разведчики, ставшие сапёрами. Лихорадочно закипела работа.

Стрелка плана уводит в южную часть города к железной дороге. Предотвратить разрушение!

По железной дороге бесперебойно двинутся поезда, сюда придут армейские грузы, здесь разместятся армейские склады.

Здание городского совета, Дом пионеров, центральная улица! Идут сапёры, обезвреживают мины — простое солдатское дело, и мало кто обращает на них внимание, но сколько несчастных было бы сегодня среди этих радующихся людей, если бы дом за домом, улицу за улицей не отводили разведчики и сапёры у смерти и разрушения.

Вот они, гадины в деревянных коробках, они ручные теперь, бездыханные, обезвреженные...

Можно передохнуть минуту, подумать о всех тех усилиях, из которых складывается этот счастливый день. О мужественном суровом труде «Брата», о подвиге Дубяги, Хасымкули, Бутина, Белоухова, Любы и многих, многих советских людей.

* * *

Бутин отпросился из санбата на пятые сутки. Он шёл через Ржев, жадно и радостно озираясь вокруг.

Со всех крыш — капель. Если вслушаться в её многотактовые переборы, услышишь наступление весны, она дружно идёт на город. Оживлённо на улицах, много жителей уже возвратилось из деревень, гулко разносится говор — так звучат голоса только ранней весной.

Санний обоз растянулся по улице — под рогожей мешки с мукой, дуги увиты лентами.

— Эй, парень!

Бутин оглянулся.

Путаясь в полах длинного тулупа, спешил к нему старик-колхозник, обрадовался Бутину как старому знакомому. Он хлопнул большими руками одна о другую и, сняв их, поздоровался.

— Жив? — спросил он, указывая на забинтованную руку Бутина.

— А что же мне сделается?

Бутину кажется — он в первый раз видит старика. Да так ли? Не всех же, с кем приходилось спать под одной крышей, есть из одного котелка, сумел запомнить он.

— Закурим? — предложил он старику, протягивая здоровой рукой кисет.

Пока старик крутил ему цыгарку, Бутин расспрашивал его:

— Ну, а ты-то как? Председателем работаешь или бригадиром?

Старик лизнул языком бумагу — цыгарка готова, подал Бутину и принялся крутить себе.

— Пока еще бригадиром. — Он показал рукой вдоль улицы. — Гляди, какой обоз привели в помощь освобождённым жителям.

Скрипнули полозья, это передняя лошадь медленно перетянула сани, а за ней всё пришло в движение, зашкрипело.

— Э-эй! — крикнул старик и заспешил к саням.

На площади было многолюдно. Сюда стекались жители города, партизаны, люди, освобождённые из фашистского лагеря.

На маленькую трибуну, увитую кумачёвыми полотнищами, поднялись двое — секретарь горкома Конюхов и с ним председатель горсовета, пять дней назад вошедший в город с партизанским отрядом.

Бутин прошёл мимо однорукого завгороно. Красивое лицо его озабоченно, наверное, задумался о школе: вчера только открыли первую, а может быть, просто сообщает, что скажет сейчас народу.

На краю города у свежей братской могилы Бутин остановился. Здесь похоронены жертвы фашистской оккупации. Среди них Хасымкули и неизвестный пленный, их повесили фашисты за попытку бежать из лагеря. Бутин постоял у могилы. По другую сторону Ржева, на Речной улице, остался маленький холмик, там лежит капитан Дубяга.

Бутин оглянулся на город, покалеченный, пострадавший. «На обратном пути придём отстраивать город», — убеждённо подумал Бутин. Там, где остались могилы товарищей, поднимется новый город — памятником их прекрасной жизни.

Солнце садилось. Впереди расстилалась дорога. На перекрёстке стояла девушка-регулирующая с флажком.

Бутин закричал ей издали:

— Что пост свой вперёд не переносишь? Поспеши, красавица, войска далеко ушли. Не догонишь!

Она засмеялась и поправила ремень винтовки. Он уставился на её ноги в обмотках и толстых больших ботинках.

— Чего глаза разинул? — крикнула она ему.

Он смолчал, а когда поравнялся с ней, сказал тихо:

— Стоит, стоит, бедняжечка, как рекрут на часах.

— Проваливай! — ответила она, взмахнула

флажочком перед выскочившим из-за поворота «вездеходом» и взяла под козырёк.

Бутин во-время отскочил от машины на обочину дороги и крикнул регулировщице на прощанье:

— Ловко у тебя получается. С войны пойду — поучусь.

У дороги стоял уцелевший дом. Бутин зашёл, попросил напиться. Молодая хозяйка подала ему воды в кружке и спросила про дела на фронте. Он присел, сдвинув поудобней винтовку, пил медленными глотками и рассказывал всё по порядку. Подперев кулаками лицо, она внимательно слушала его и вдруг прервала:

— Скажи, а что фашисты не придут, а?

Он решительно покачал головой.

— Однако же страху вы от них набрались.

Он поднялся и простился было, но хозяйка поставила на стол чугунок с картошкой, пригласила его присесть.

— Сам-то дальний? — спросила она. — А служишь где?

— Как где? — спросил Бутин.

— На передовой? — голос у хозяйки суровый, а лицо белое, и взгляд карих глаз мягкий, добрый.

— Где придётся, — отвечал Бутин. Он улыбнулся. — Где придётся, — повторил он, — когда километров за десять, а то и дальше от линии фронта в своём тылу находишься, а надо — так вперёд уйдёшь. Впереди всех.

— Это как, впереди всех?

— А так вот, — и думая о том, как сам уходил в разведку, как уходили с заданием через

линию фронта его товарищи, он сказал приподнято: — впереди всего фронта.

Было в его словах что-то непонятное и значительное и хотелось верить ему.

— Кто же ты?

— Кто я? Кто? — он разволновался от досады, что не мог, не имел права объяснить ей, похвастать. — Вот что, — сказал он, махнув здоровой рукой, — был у меня друг, капитан Дубяга. Так вот его женщины никогда попусту не расспрашивали, как увидят его, так и обомлеют, языком забывают чесать.

— Видать, дружок твой красивей тебя будет, — лукаво прищурилась она и засмеялась от души, громко и не обидно.

Она вышла на крыльцо проводить его.

— Дорога теперь стала, — сокрушённо сказала она, глядя на буксующие невдалеке машины.

— Стала, это верно, — подтвердил Бутин.

— Не пройти, не проехать. Теперь пока весь снег сойдёт, да пока подсохнет, много времени понадобится. А вам ведь еду подвозить надо.

— Надо. Без табаку туго.

Мимо по дороге вели раненых лошадей в ветеринарный батальон. Большие артиллерийские лошади одичали с голоду. Перед канавой они останавливались, пятились назад, не решаясь переступить.

— До лета не дотянут, — глядя на них, сказала женщина, — а овса нет. Резали бы их да армию кормили. Если поварить дольше, не жёстко.

— Нельзя, — объяснил Бутин, — строжайший приказ беречь их до последнего — для вас ведь бережём.

Он пошёл, высокий, больная рука на перевязи.

— Вот и ты пострадал, а пешком идёшь, — сказала она ему вслед и покачала головой.

— Ничего, не печалься, — крикнул ей Бутин и здоровой рукой помахал на прощанье, — от пешки нет замешки.

Он шёл дальше к фронту. Завтра к утру Бутин придёт в свою часть, доложит подполковнику Ярунину: «Прибыл из санбата...»

* * *

Тихо в лесу на ночном привале, только окрик часового, только хруст ветки, обломившейся под напором ветра, да громкое чавканье сапога в топкой лесной чаще.

Не попрощавшись ни с кем, незаметно ушла Никитична. Старым, изведанным путём через рвы и окопы, через проволочное ограждение пробирается она на запад в районный центр к руководителю подпольной группы.

Где-нибудь на той стороне фронта её задержит гитлеровец, обыщет и, не найдя ничего подозрительного, швырнёт ей обратно мешок с сухарями и грязные, долго служившие карты. И пока она будет прятать карты в обвисший чулок, фашист, разглядев её, поспешно надвинет пониже на лоб ей ветхий шерстяной платок, отбежит назад и щёлкнет аппаратом. В письме своей родне «мит

Грус унд Кус фон вайген Остен»¹ он пошлёт фотографию Никитичны, на которой из-под платка внимательно и враждебно будут смотреть её маленькие глазки, и подпишет под снимком: «Руссише Типе».

Ещё зарево обжигает родное небо, но путь Никитичны стал короче — Красная Армия подходит к её родным местам.

А в урочный час по приказу подполковника Ярунина разведчики седлают коней. Фашистские диверсанты высадятся в лесу севернее Чертолина, и отряд разведчиков уходит в засаду.

Коротки стали ночи. Спят полки перед боем, на рассвете снова наступление.

Накинув на плечи шинель, подполковник Ярунин обходит расположение штаба.

Разведчики в войсках и в стане врага бесшумно, кропотливо и незаметно творят своё дело, они обезвредят врага, обезопасят продвижение частей.

...Высоко в небе гудит самолёт противника. Часовой кричит, надрываясь:

— Палатка младшего лейтенанта Белоухова! Окошко неплотно прикрыто! Эй, кто там, демаскируете!

Подполковник раздвигает дверцы, согнувшись входит в палатку. На топчане, укрытая одеялом и шинелью, спит помощница Белоухова — Люба. Белоухов в наушниках сидит на ящике из-под патронов возле большого аппарата.

---

¹ С приветом и поцелуем с далекого Востока.

— Приём. Приём, — устало твердит он, не замечая вошедшего подполковника.

И вдруг голос его дрогнул, зазвенел:

— «Брат», «Брат», «Брат», — взволнованно повторяет он. — Я ракета. Слышу вас...

на 1 р. 30 к.